

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Павел АВТОМОНОВ

В КУРЛЯНДСКОМ КОТЛЕ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1955

«ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О КУРЛЯНДИИ?»

Машина мчалась на восток.

Мы — четверо — стоим в кузове, прижавшись к кабине. Встречный ветер сердито треплет наши отросшие волосы. Глядя друг на друга, мы улыбаемся. На лицах у нас радость: мы едем по освобожденной земле, стоим во весь рост, говорим полным голосом.

Машина переваливает через высотку. Знакомые места. Отсюда, вот от этих берез, в ясный майский день смотрел я на разбросанные среди зелени полей хутора, на лес, что темнеет вдаль, сливаясь с дымкой горизонта. Но тогда и поля, и лес, и вся открывающаяся сейчас перед глазами, такая чудесная, сверкающая бесконечным разнообразием равнина — мне казалась иной — тусклой и встревоженной. Теперь убранные поля уже посерели, березы на пригорке золотятся умирающей листвой, дом — рядом с шоссе — полуразрушен снарядом, но я гляжу и не чувствую осеннего умирания. Перед глазами все выглядит так ярко и радостно, точно снова вернулся май. Не беда, что у дома рядом с шоссе вырвана стена, а крыша пробита осколками. Не беда! Должно быть, также думает и тот усатый латыш, который чинит разбитую крышу. Смотрю вокруг, и мне становится немного грустно, — жаль, что теперь, когда вновь возрождается здесь жизнь, приходится покинуть этот край.

Навстречу нам по шоссе двигаются обозы, колонны грузовиков, артиллерия, группа связистов тянет провод. Все это направляется туда, на запад, к Риге, за освобождение которой идет бой.

Мы поднимаем руки, приветствуя заполнивших встречную машину советских бойцов.

— Узнаешь место? — показывая на опушку леса около шоссе, тронул меня за плечо командир нашей группы Николай Зубровин. — Знакомая работа.

Зубровину всего лишь двадцать четыре года, но лицо его прячется в густой светлой бороде; отросшие вьющиеся волосы закрывают шею.

На опушке валялись остовы сожженных немецких машин и около них, полузарывшись в землю, три ржавых танка. Вспомнилось, как тогда, весной, у этой опушки остановилась на отдых танковая колонна гитлеровцев и я передавал командованию фронта радиogramму о числе машин и координаты их нахождения.

— Дали тогда им жару «илы», — передернув широкими плечами, сказал Агеев, стоявший рядом с Зубровиным.

— Интересно, догадались ли немцы, что их подстерегли разведчики? — спросил четвертый наш спутник — Ефим Колтунов, красивый, стройный мальчик. — Как твое настроение, Алеша? Полетишь еще раз в тыл к гитлеровцам? — после недолгого молчания спросил он, обращаясь к Агееву.

— Нет, — усмехнулся тот. — Пожалуй, не полечу. Два раза перелетал, раз пешком фронт переходил... теперь я на передовую, а то, боюсь, жена с ума сойдет, если опять полгода не буду ей писать.

— А все-таки, если хорошенько подумать? — не отставал Колтунов.

— Не полечу, — повторил свое решение Агеев. — Если вот отпуск получу, как приедем в штаб, тогда подумаю, — добавил он и подмигнул, хитро прищурился.

— Так я скажу — полетишь, Алеша, честное слово! Пройдет вот денька три и потянет... Я, если предложат мне, полечу, только в бане помоюсь... А ты разве отстанешь? Люблю я, ребята, свое дело разведчика, — продолжал Колтунов, но в это время машину подкинуло на какой-то выбоине, и он, ухватившись за мое плечо, замолчал.

...До Изборска ехали без остановок. Но при въезде в Изборск путь нашей машине перегородил шлагбаум. Лейтенант — дежурный контрольно-пропускного пункта — приказывает нам слезть и предъявить документы. Зубровин пытается объяснить, кто мы.

— Меня это не интересует, — говорит лейтенант. — Предъявите документы!

— Гитлеровцы не могли снабдить нас документами, товарищ лейтенант, — объясняет Зубровин дежурному. Но дежурный подозрительно косится на наши автоматы и решительно настаивает на своем.

Поведение лейтенанта нам понятно. Любой из нас, будучи на его месте, сделал бы то же самое. Документов у нас нет. Обросшие бородами, без фуражек, в гражданских пиджаках, с оружием и радиостанцией, мы кажемся подозрительными.

Нас препровождают к коменданту.

Пожилой майор, прищуриль строгие глаза, осмотрел нас с головы до пят.

— Что за братия? — спросил он. Зубровин ответил, что мы партизаны, точнее, разведчики Ленинградского фронта, почти полгода находились в тылу врага, теперь, после прихода нашей армии, едем в распоряжение своего командования.

— Понятно! — согласился майор. — Я сам командовал партизанским отрядом под Лядами.

— А мы на первом задании были под Новосельем, — сказал Зубровин. — Почти соседи.

Майор оживился. Разговор зашел о командирах псковских партизан, о боях, в которых принимали участие. Недоверие, с каким нас встретили, растаяло.

— На Ленинград путь держите? — спросил майор. — Наверно, сами ленинградцы?

— Нет, товарищ майор, — ответил Зубровин. — Среди нас нет ни одного ленинградца. Я — командир группы — родом с Урала, радист наш, — Зубровин показал на меня, — с Украины, этот... Агеев — с Волги, Колтунов из Эстонии, из города Мустве, почти здешний, но мы, товарищ майор, душой ленинградцы!

— В Ленинграде мы блокаду пережили, — сказал я.

Майор, убедившись в том, что мы на самом

деле разведчики, не стал больше расспрашивать. Он отдал распоряжение дежурному:

— Накормите товарищей, а потом устройте их на самую дальнюю машину, какая пойдет на восток.

— Есть, товарищ майор!

Комендант пожал нам руки, и мы вышли.

В ожидании попутной машины я невольно представлял себе приезд наш в Ленинград. Как выглядит он теперь, когда нет блокады? Из Ленинграда мы два раза за эту войну вылетали в тыл врага.

— Ты, Николай, как приедем, не забудь бороду обрезать, — посмеивался Колтунов над Зубровиным. — А то, не ровен час, примчишься бородатый в госпиталь к Валюшке. Помнишь, как тогда, зимой, перемахнул ты через забор? Напугаешь ее.

— Попробую и теперь через забор, так быстрее, — смеялся Зубровин. Он лежал на траве, заложив руки за голову. — А что до моей бороды, — продолжал он, — то чем же она плоха? Бороду носили многие великие люди.

— Так то «великие», а мы разведчики, — вмешался Агеев. — А бороду твою надо в первой попавшейся парикмахерской ликвидировать!

У здания комендатуры остановилась легковая машина. Из нее вышел незнакомый подполковник и быстро взбежал на крыльцо. Через некоторое время он появился вместе с комендантом.

— Вот они, товарищ подполковник, — показал на нас комендант. — Еще не уехали.

Мы удивленно переглянулись.

— Кто из вас лейтенант Зубровин? — подходя к нам, спросил подполковник.

— Я, — вскочил Николай.

— Здравствуйте! Я разыскиваю вас...

— Слушаю, товарищ подполковник.

— Ваша группа находится в моем подчинении.

— Мы в распоряжении Ленинградского фронта.

— Знаю. Участок, где вы находились, отошел к Прибалтийскому.

— Как к Прибалтийскому? Мы душой ленинградцы! — не скрывая досады, воскликнул Агеев.

— И хорошо, что ленинградцы, но пока вам придется изменить направление, — сказал подполковник и усмехнулся. — Предстоит одно задание. Через час придет машина.

Точно через час, как и обещал подполковник, подошла машина, и мы вместо Ленинграда оказались недалеко от городка Печоры в деревне; там для нас была приготовлена комната.

События на фронте радовали сердце.

Войска Ленинградского фронта, что еще летом совместно с Карельским фронтом, при взаимодействии Балтийского и Северного флотов, поставили на колени Финляндию, теперь от Тарту и Нарвы рвались на Запад. За неделю боев была почти полностью освобождена Советская Эстония, орудия Советской Армии гремели уже на подступах к Риге; войска генерала Баграмяна, на участке между Лиенапой и Мемелем, вышли к морю, отрезав гитлеровцам пути отхода из Курляндии в Восточную Пруссию. На Курляндском полуострове оказалась

Б «котле» крупная вражеская группировка. Гитлеровское командование упорно не хотело эвакуировать свои войска с полуострова. Оно рассчитывало приковать здесь часть советских войск и отвлечь их от участия в основных операциях.

На пятый день нашего отдыха вместе с подполковником, направившим нас в эту деревню, приехал начальник разведки. Поздравив нас с награждением боевыми орденами за образцовое выполнение задания и спросив, как мы проводим время, как себя чувствуем, он сказал:

— Я говорил с командующим о вашем отпуске; конечно, вы имеете на это право, но пока отпуск придется отложить. Боевая обстановка в Прибалтике сложилась так, что необходимо быстрее ликвидировать вражескую группировку. Для успеха операции решено выбросить в тыл врага небольшую разведывательную группу.

Мы молчали.

— Куда лететь, товарищ полковник? — спросил, наконец, Зубровин. — Пожалуй, мы не успеем выбраться, как Советская Армия нас «освободит».

— Дело будет жаркое, товарищи, и трудностей встретите немало, — сказал полковник. Он достал из планшетки карту и раскинул ее. — Лететь придется сюда, в Курляндию, — добавил он.

Что я знал о Курляндии? Очень мало. В школе о ней говорили, когда шла речь о незамерзающих портах Лиенапа и Вентспилс. Теперь, рассматривая карту, я ничего не мог сказать об этой земле.

— Курляндия, или Курземе, как она называется по-латышски, представляет сейчас очень важный плацдарм, — говорил между тем полковник, знакомя нас с заданием. — Там много дорог, почти на каждом километре жилые строения — хутора. Как видите, полуостров острым клином входит в море. Сейчас этот клин отрезан советскими войсками. По далеко не точным данным, в Курляндии находится до тридцати гитлеровских дивизий, а также враждебная Советской власти часть латышской и эстонской буржуазии, сотрудничавшей с гитлеровцами во время оккупации ими Прибалтийских советских республик и бежавшей теперь от гнева своего народа.

Слушая полковника, я мысленно представил себе этот «котел». С суши он плотно закрыт нашими войсками, с моря — открыт. Враг имеет в своем распоряжении порты, через которые он может сообщаться с портами Восточной Пруссии и всей Германией.

— Нам надо знать, что делается в этом «котле» у гитлеровцев, а для этого необходимо забросить туда наших людей, имеющих опыт разведывательной работы в тылу противника. Командование фронта считает, что ваша группа может выполнить это ответственное задание, — добавил полковник, закончив свои объяснения.

Наступила тишина. Предложение полковника было так неожиданно и так не вязалось с нашими недавними планами об отпуске, о свидании с близкими, что в первые мгновения каждый из нас не знал, что сказать.

Зубровин стоял у окна и мельком то и дело поглядывал на Колтунова, будто ждал, что тот должен заговорить первым.

— Я лечу, — нарушив молчание, громко сказал Агеев. Он бросил на пол окурки папиросы, и придавил его ногой.

— Дельно сказал, Алеша! Надо, так надо, — повернулся на каблуках Колтунов и добавил: — Летим!

— Что же, дорога знакомая, — сказал Зубровин. — А ты, Виктор? — он вопросительно посмотрел на меня.

Вот уже в четвертый раз за время войны я попадаю в такое положение, когда решительный шаг зависит от меня самого. Я вспомнил слова отца, сказанные в предсмертный час нам, его сынам, трем хлопчикам: «Не думайте, сыны мои, что вы слабее, неразумнее, чем все люди. Не думайте, что вы и лучше других. Знайте всегда себе цену и молчите о ней. Идите за лучшими, и тогда каждый скажет, что вы — люди...»

— Какая же вы разведывательная группа без радиста? — говорю как можно спокойнее, но

чувствую, что голос у меня немного дрожит. Заканчиваю решительно: — Лечу!

— Я был уверен в том, что вы согласитесь, — улыбаясь, сказал полковник. — Остается от всей души пожелать вам успеха. Завтра к вам придут двое товарищей латышей, — они полетят с вами. Желая возвратиться на Большую землю живыми и здоровыми. Вылет ваш в тыл врага назначен на десятое октября, к этому числу будьте готовы.

На следующий день к нам прибыли новички.

Константин Озол назначен к нам в качестве заместителя командира группы. С первой же встречи мы полюбили этого толстяка-латыша. Был он так неуклюж и так грузен, что в хате, где мы жили, дрожал пол от его тяжелых шагов. Озол любил петь. Пел он и латышские и русские песни, размахивая, точно дирижируя, при этом своими огромными руками. Особенно он любил песню «Сидели мы на крыше». Она имела близкое отношение к его профессии. Озол — кровельщик, его руками сделаны сотни крыш в разных концах Латвии.

В начале войны Озол пешком добрался из Риги в Москву, оттуда уехал в Ташкент; там он устроился на работу по своей специальности и получил броню. Но он не мог жить вдали от непосредственной борьбы с врагами, захватившими его родину. В 1943 году Костя оказался в Латвии. Он стал партизаном.

Вторым товарищем, прибывшим к нам вместе с Озолсом, была девушка. Знакомясь с нами, она назвала свое имя — Аустра.

Не знаю почему, но Аустра сказала, что она моя землячка. Внешне она действительно походила на украинку — смуглая, кареглазая. Я попросил Аустру спеть украинскую песню. Она высоким, грудным голосом запела мотив «Реве та стогне Днипр широкий», но слова песни произносить избегала. Тогда я спросил, с чем едят вареники. Аустра засмеялась и покраснела, опустив глаза, как на экзамене.

Аустра явилась к нам не только как боец-разведчик, но и как медсестра. С нею был запас различных медикаментов и даже хирургические инструменты.

Озол очень хорошо отзывался о ней, но девушка терпеть не могла похвал, даже обижалась на них.

— Как вам, Костя, не совестно смеяться надо мной, — говорила она, услышав похвалу себе.

— Да я вовсе не смеюсь, — досадуя на то, что она не понимает искренности его слов, сердился Озол. — Ты одна с автоматом полицейскую засаду разогнала.

— Так они же сами после первого «диска» разбежались.

Оказалось, что Аустра метко стреляет, знает ручной пулемет. Костя Озол и Аустра быстро освоились с положением, и в тот же день, когда они прибыли, мы уже смотрели на них, как на своих.

Десятое октября — мы собираемся в путь. Проверены новые автоматы типа ППШ, получили снаряжение, ждем самолета и — прощай, родная земля!

— Кажется, все, — закончив приготовления, сказал Зубровин, помогая мне застегнуть чехол переданной нам новой радиостанции. — Осталось только родным написать, предупредить, что, мол, если писем не будет, то так это и: надо.

В тот же день Зубровин и Агеев дали мне свои рекомендации для вступления кандидатом в члены Коммунистической партии.

«На третье задание хочу идти коммунистом», — написал я в своем заявлении.

— А когда ты, Ефим, напишешь свое заявление? — спросил Зубровин Колтунова.

О Колтунове не раз говорили мы в нашей группе, когда находились в тылу врага и вовремя отдыха на нашей стороне фронта. Ефим считает, что он мало сделал для разгрома фашистов. Вырос он в Эстонии. До установления Советской власти, при буржуазном правительстве, детям рабочих и крестьян невозможно было учиться. Ефим смог окончить только два класса начальной школы. Он стеснялся своей малограмотности. В боевой обстановке он был находчив, смел, решителен. Мы знали его как отважного разведчика и надежного товарища и всячески старались помочь ему повысить свои знания.

Сейчас на вопрос Зубровина Колтунов прищурил свои веселые синие глаза и улыбнулся:

— Еще разочек слетаем в тыл к фашистам, может, документы дельные добудем или генерала гитлеровского накроем, тогда приду и скажу: «Принимайте, товарищи, учите меня!..»

— Скромничаешь ты, Ефим. Это неплохо. Скромность украшает человека, — сказал Зубровин. — Теперь, братцы, наша задача — боевое задание выполнить на совесть. Все готовы, товарищи? Ничего не забыли? — спросил он.

— Готовы, одно только осталось, — усмехнулся Агеев.

— Что?

— Не спросили у новичков, знают ли они Ленинград? Говорят, кто не знает Ленинграда, тот ничего не знает.

Все рассмеялись.

— Конечно, знаем, — заявила Аустра. — А ну-ну!

— Ленинград... это порт. Красивый город, как наша Рига.

— Не все, — взглянув на девушку, подал голос Колтунов. — Я вроде, как вы, отвечал, когда пришел в группу.

— Что еще надо знать о Ленинграде? — спросила Аустра.

— Много. Ленинград — колыбель революции, город Ленина. Там в 1917 году Коммунистическая партия вела рабочих и солдат на бой с буржуазией. Ленинград — город мужества и доблести народной, город, где не ступала нога врагов, город-герой, — без передышки выпалил Колтунов и, торжественно посмотрев на Аустру, договорил:

— Воину обязательно надо знать это, чтобы в тяжелые минуты не смотреть в кусты.

В ПОЛЕТ

Автомашина остановилась возле самолета.

Мне достался самый большой груз. Кроме мешка с продовольствием и автомата, со мной радиостанция и питание к ней. Обвешанному со всех сторон, мне тяжело стоять, и в ожидании старта я прилег на пожелтевшую сухую траву.

По небу плывут два синих продолговатых облачка, будто корабли, отставшие от своей армады. Только два на всем лазурном океане провожают они заход солнца. Вот и оно скрылось за горизонтом, оставив багряный след зари, точно воспоминание о прошедшем дне. Сжалось сердце. Когда-то мы снова увидим закат солнца здесь, на этой стороне фронта?

Прибыл экипаж самолета. Между летчиками, Зубровиным и провожавшим нас подполковником началось короткое совещание.

Место, выбранное для выброски, штурман отклонил, — гитлеровцы начали строить там укрепления.

— Сейчас в Курземе сплошной хаос, — сказал он, — поэтому лучше мы сами подыщем место и сбросим.

— Прыжок будет слепым? — спросил Зубровин.

Штурман промолчал.

— Что ж, — в раздумье протянул Зубровин и, взглянув на нас, добавил: — Ладно! Группа готова.

— Товарищ подполковник, напишите моей матери, чтобы не беспокоилась, — попросил я.

— А на кого ты похож? — ответил он мне вопросом.

— На нее, на мать, говорят.

— Счастливый, значит.

— То же мне говорил генерал в Ленинграде перед первым вылетом, — сказал я.

— До скорой встречи, друзья! — подполковник крепко пожал всем руки. — Счастливый путь!

— Спасибо...

Мы разместились в кабине. Подымая ветер, загудели моторы. Самолет рванулся с места и покатился по дорожке, набирая скорость.

Мы в воздухе. В кабине тесно. Иногда самолет проваливается в воздушные ямы, и мы хватаемся друг за друга, чтобы удержаться. Но он снова выравнивается и идет дальше на запад.

— Как себя чувствуешь, Костя? — сквозь шум мотора кричит Колтунов Озолсу.

— Хорошо!

— Ой, врешь! Для твоей фигурки здесь тесновато!

— А ты как? — спросил я Аустру, сидевшую рядом со мной.

— Как и ты! Вот прыгну на твой парашют — донесешь до земли, — смеется она.

— Смотри, живыми не долетим.

— Испугался? Нарочно на голову твою свалюсь. Вот честное слово, худо будет тебе, Виктор!

Прошло около часа.

Где-то под нами, невидное в темноте море. Самолет повернул на юг.

Скоро (Курляндия. Я крепче сжал кольцо парашюта; хотя он может раскрыться автоматически, но так спокойнее.

Прыгать договорились в таком порядке: первым командир, за ним — я, Ауэра, Колтунов, Агеев и последним — заместитель командира Озол. Сигналом «приготовиться» будет открытый люк, «прыгай» — сирена.

Я никак не мог дождаться сирены, давит и жмет навешенный на мне груз.

Люк открылся... Сирена...

Зубровин почему-то задерживается.

— Прыгай!

Я отталкиваюсь ногой, падаю почти ему на спину.

Секунда...

Вырываю кольцо...

Шелест распускающегося парашюта, потом сильный рывок.

Я теперь не чувствую ни боли, ни холода, ни шума. Кажется, что стоишь в воздухе. Осторожно поворачиваю голову и вижу черный, громадный, удаляющийся силуэт самолета.

Я оглядываюсь по сторонам, стараюсь разыскать в воздухе прыгнувших за мной товарищей. Но их нет.

Внизу виднеются какие-то огоньки, изрезанный просеками и ручьями массив леса.

Минуты жизни между небом и землей тянутся медленно. Приземляюсь на лес. Я закрываю лицо руками, чтобы защитить его от веток, и касаюсь ногами земли.

В СТАНЕ ВРАГА

В приземлении мне везет. Ни разу не повисал на дереве. Опускаюсь на просеку.

Быстро освободившись от парашюта и приготовив автомат, я стал прислушиваться.

Ветер доносит крики, тархтение повозок и выстрелы. Сделал первый шаг. Треснула под ногами веточка. Прислушался.

Опять выстрелы и крики.

Начинаю стаскивать парашют, зацепившийся за березку. Дело это не легкое, требует ловкости и силы. Наконец, парашют спрятан в опавших листьях и ветках, и я иду разыскивать товарищей. Сигналу, щелкая языком. Ответа нет. Метров через сто останавливаюсь у большой вырубки. Снова слышатся выстрелы.

Смотрю на небо. Оно уже плотно закрыто облаками, накрапывает дождь.

Прошло еще немного времени. Вокруг все стихло. Только ветер по-осеннему завывал в вершинах деревьев. Пахло прелой корой, лесной гнилью.

Часы показывают час ночи. Наступили новые сутки — одиннадцатое октября.

Четыре года назад в этот день я покинул свой дом, идя в армию, и вот теперь снова это число открывает счет неделям, а может, и месяцам нашего пребывания в прибалтийском «мешке».

Я ходил по просеке, подавал сигналы, но никто не откликнулся на мой зов. Наконец, присел у опушки и вдруг услышал треск.

— Николай? Ты?

— Я.

— Ну, здравствуй, друже!

— Здравствуй, браток!

Это был Николай Зубровин. Мы пожали друг другу руки, как обычно, когда встречаемся после приземления во вражеском тылу.

Начали разбирать положение. Оказывается, я приземлился раньше Зубровина, так как был тяжелее. Ничьих парашютов он, так же как и я, не заметил и даже не слышал сирены. Самолет летел на большой высоте, поэтому возможна разброска выпрыгнувших.

Мы сняли парашют Зубровина, зацепившийся за ель, посидели немного, выкурили по папиросе, пряча огонек в рукав, и пошли. Останавливались, прислушивались и щелкали языком.

В три часа встретились с Агеевым и Колтуновым. Агеев ободрал шею и разбил губы — его парашют закрутило о сосну. Итак, наша старая четверка снова вместе! Где же Ауэра, Костя Озол? Уже светает, а их нет.

Мы подыскали место на островке среди болота, решили отдохнуть.

Утром на север от нас раздавалась беспорядочная стрельба. Может, это полицейские или каратели прочесывали лес, разыскивая нас. Они могли видеть парашюты, когда мы прыгали с самолета. Даже в спокойной обстановке после приземления парашютисты уходят в другой район, но мы уйти не

могли. Уйти сейчас — значило оставить товарищей...

Весь день продолжали поиски.

Наконец, на небольшом лугу увидели нашего толстого Костю. Он стоял без фуражки и, вытирая со лба пот, рассматривал лес.

Это была радостная встреча. Вероятно, так чувствуют себя при встрече люди, выброшенные морем на неведомый остров.

Вечером мы не могли разыскать места, где спрятали радиостанцию, продовольствие и другое имущество. Множество мелких болот сбили нас с толку. Пришлось расположиться на ночлег под защитой огромной вековой ели.

Была на редкость тихая, ясная ночь. Выплыла луна. Она холодно и равнодушно смотрела на нас сквозь решето ветвей.

— Виктор, ты спишь?

— Нет.

— И мне не спится, — сказал Зубровин, вздыхая и поворачиваясь ко мне. Его щека коснулась моей, а рука легла на мое плечо.

— Как твое самочувствие в «котле»? — спросил он участливо.

— Мне кажется, — ответил я шепотом, — все будет как следует.

— И я в этом уверен. Но вот плохо — Аустры нет, — помолчал, продолжал Зубровин. — В нашем деле уверенность — великая вещь, Витя. Без веры в себя, в то, что ты делаешь, за что борешься, — нет жизни.

— Ты прав, — согласился я. — Уверенность — половина победы.

— Утром, как только отыщем вещи, ты с Костей пойдешь в разведку. Надо уточнить, где мы находимся. Понаблюдайте за движением на шоссе. А я с Ефимом и Алексеем будем разыскивать Аустру.

Агеев и Озолс завозились под плащ-палаткой. Колтунов тоже не спит. Я слышу монотонный приглушенный голос Агеева — Алексей рассказывает о себе, о своей жизни. Сколько уже раз слышал я этот рассказ, и всякий раз Агеев рассказывает по-новому, вкладывая в слова всю душу. Он говорит о широкой красавице Волге, о родном приволжском колхозе, о своей жене Клавдии и семилетней дочери, которая, вероятно, не помнит отца: Агеев еще до войны служил в армии. Точно под колыбельную песню, товарищи засыпают под его рассказ. Агеев не умолкает. Я слушаю. Я дежурный, мне нельзя спать.

Да и не хотелось. Под впечатлением рассказа Агеева мысли мои унеслись домой, далеко — на Украину. Что осталось там, после того как прогнали захватчиков? Живы ли родные, мать?.. Я давно не получал от нее писем, не удалось дожидаться ответа и теперь.

— Витя, разбуди Николая! Пусть ляжет удобнее. Храпит, — прервал мои размышления Агеев.

Жалко мне было будить командира. Осторожно я поправил его голову.

Наступила тишина. Луна поднялась еще выше, тени в лесу стали отчетливой. Издалека доносились артиллерийские залпы. Как-то радостно стало на сердце. Там — фронт!

Оказалось, что наша «база» от места нашего ночлега была совсем близко. Утром мы быстро разыскали ее. Покончив с холодным завтраком и надев маскировочные халаты, мы разошлись:

Зубровин, Агеев и Колтунов на поиски Аустры, Озолс и я в разведку, к шоссе.

...Более часа мы, обходя хутора, пробирались к шоссе. На лесной дороге подслушали разговор двух крестьян.

— В Сабиле едут, — сказал Озолс, когда умолкло дребезжание телеги.

Развернули карту и разыскали Сабиле.

— Надо полагать, — указал я на одну из лесных дорог, — что мы находимся недалеко от шоссе, которое связывает Кулдыгу с Рендой.

Подыскали «наблюдательный пункт» и стали следить за движением по шоссе. Мы тщательно отмечали число машин, грузы, какие они везли. За работой время прошло незаметно. На обратном пути мы установили более скрытые подступы к «наблюдательному пункту», — нужно пройти через болотце.

Первый шаг в нашей работе был сделан.

Радость охватила нас, когда, приближаясь к своей базе, мы увидели на поляне не три, а четыре фигуры с накинутыми на головы плащ-палатками. Мы ускорили шаги. Озолс бросился даже бежать, разбрызгивая воду лесных луж.

— Я так и думал, я так и знал, что она найдется! Не может такая девушка погибнуть! — говорил

он.

Но нам пришлось разочароваться. Вместо Аустры мы увидели кислую морду захваченного нашими «языка».

«Язык» — обер-ефрейтор из дивизии «Норд». По пути в Кулдыгу он оставил машину на хуторе и отправился поохотиться на диких кабанов и попал в руки «охотников». Он рассказал о бегстве гитлеровских войск из Риги.

Вечером Зубровин и Колтунов дежурили на «наблюдательном пункте», их сменили Агеев и Озол. Теперь мы располагали сведениями о движении по шоссе вражеских войск и техники.

ВЫХОД ИЗ ЛЕСУ

Утром все были в лагере. Я должен связаться с Большой землей.

Агеев и Колтунов разбрасывают антенны. Колтунов старается забросить конец провода повыше, но тот под тяжестью изоляторов соскальзывает с верхних веток.

— Не надо, Ефим, пусть лежит на кустах, — остановил я Колтунова, закончив шифровку телеграммы.

— Антенна всего на метр от земли? — удивленно взглянул на меня Озол.

За меня ответил Зубровин:

— Нас всегда слышали, когда антенны разбросаны были низко. Это уже испытано.

Я присел к аппарату и сделал вызов — первый вызов после приземления.

Агеев отошел шагов на двадцать, снял кепку и, нахмутив брови, застыл. Он слушал.

Среди хаоса звуков, носящихся в эфире, различаю ответный сигнал.

— Все в порядке! — говорю я, успокаивая товарищей.

Около получаса я передавал сообщение о переброске из-под Тукумса в сторону Кулдыги трехсот машин с солдатами, данные, полученные от «языка», указал наше местонахождение, . сказал о том, что Аустры нет с нами. Потом запаковал радиостанцию и спрятал ее под корнями огромной сосны, старательно замаскировав мхом.

На том месте, где я работал, Агеев подобрал: обрывки бумаги, нитку от парашютной стропы, — все это он сжег. Агеев следил за порядком всюду, но особенно в лагере, где мы проживали, и на «наблюдательных пунктах». Так и должно быть. От него часто доставалось Колтунову за то, что тот забывал прятать окурки.

После приземления мы еще ни разу не разжигали костра. Ели размоченные сухари с маслом и колбасой, воду для питья брали в ручье.

— Нам необходимо точнее узнать обстановку в этом районе, — прохаживаясь по тропе, говорил Зубровин, — узнать настроение местных жителей. Сейчас я, Костя и Виктор пойдем на хутор. У нас есть три комплекта немецкого обмундирования, его мы используем. Ефим и ты, Алексей, отправитесь к шоссе, будете наблюдать за движением.

— Закурим, товарищи, и присядем перед дорогой, — предложил Агеев, когда мы — трое — переоделись в немецкую форму и были готовы к выходу.

Покурили. Договорились о месте встречи на случай боя.

— Всего хорошего, товарищи!

— И вам также!

Расставшись с Колтуновым и Агеевым, мы скоро вышли на лесную дорожку. По обеим сторонам ее зеленой стеной возвышались высокие, стройные сосны.

Но любоваться красотой леса долго не пришлось. На повороте шедший впереди Озолс отпрянул в сторону и негромко сказал:

— Гитлеровец! - Зубровин подал команду:

— Не обращать внимания!

Надвинув на лоб фуражку, Зубровин уверенно шагал вперед. Мы последовали его примеру.

Впереди, в стороне от дороги, стоял высокий человек в кожаном комбинезоне с трехствольным ружьем. Должно быть, он охотился на коз. Увидев нас, он вздрогнул, встал «смирно» и приветствуя, поднял руку. «Крикнуть бы сейчас «хенде хох» этому охотнику», — подумал я. Но приказ есть приказ, мы молча ответили на приветствие и прошли дальше.

Перед нами, неподалеку от леса, хутор: дом сарай, баня. Вдали виднеются постройки другого хутора.

— Зайдем! — сказал Зубровин.

У крыльца стояли ведра и бидон. Лохматый пес поднялся навстречу и, не лая, завилял хвостом.

Костя Озолс постучал в дверь.

Вышел хозяин, толстяк, с засученными по локоть рукавами. Его лицо выражало беспокойство. Он молча пропустил нас в сени.

В комнате находились две женщины — пожилая и молодая; за юбку молодой держался мальчик трех-четырёх лет.

— Гутен таг!..[Гутен таг — добрый день (нем.)] Свейки!..[Свейки — здравствуйте (лат.)]

Женщины холодно ответили на приветствие, а молодая с явной неприязнью посмотрела на рыжеватого Зубровина и быстро вышла в другую комнату.

Зубровин спросил по-немецки у крестьянина, как идет жизнь, побьем ли большевиков?

Хозяин молча развел руками.

— Он не понимает по-немецки, — пояснил Озолс.

— А по-русски?

— Понимаю.

— Тогда можно и по-русски, — усмехнулся Зубровин.

Командир и я плохо владели немецким языком, что сейчас ставило нас в неловкое положение. Находясь в тылу противника, как я ругал себя за то, что когда-то в школе на уроках немецкого языка решал шахматные задачи...

— Побьете или не побьете — вам виднее, господа, — ответил крестьянин на вопрос Зубровина. — Фронта у нас было не слышно, а теперь гремит, — показал он в сторону.

Он хотел сказать еще что-то, но стоявшая рядом с ним пожилая женщина в стареньком синем платье, видимо, жена хозяина, дернула мужа за рубаху. Он замолчал, растерянно оглянулся и пригласил нас в другую комнату.

Я подошел к этажерке, стоявшей в углу. На полках было около десятка книг. Достал одну; мне попала хрестоматия по литературе. Раскрыв ее, увидел портрет Александра Сергеевича Пушкина и под ним стихотворение «Памятник» на латышском языке. Перелистывая книгу, я встретил тут имена Гоголя, Толстого, Горького. Здесь были стихи Яна Райниса, латышского поэта-революционера, стихи Тараса Шевченко. Год издания хрестоматии был 1941. На первой странице я нашел подпись

владелицы этой книги — ученицы 7 класса Ады Мельдер.

Я показал хрестоматию подошедшему ко мне Зубровину, тот усмехнулся.

— Вот как, — тихо сказал он и, кивнув головой, будто соглашаясь с чем-то, повернулся к разговаривавшим Озолсу и хозяину.

— Что вам во мне понравилось? — нахмурившись, строго спрашивал Озолс. — Скажите, что вам шепнула сейчас жена?

— Она говорит, что вы похожи на тех, что с неба падают, — ответил крестьянин и посмотрел на Зубровина, потом на меня.

— А как вы думаете? — спросил, вмешавшись в разговор, Зубровин.

— Как я думаю, — начал крестьянин. — Думаю, она права. Видно вас, какую форму вы ни надевайте. Я сам был на войне и кое в чем разбираюсь. Пришли вы и даже в дверь постучали. Гитлеровцы так не поступают, идут без разрешения.

— Пусть будет по-вашему, если вам нравится, — сказал Зубровин, видя, что продолжать выдавать себя за немцев далее бесполезно.

— Кто это — Ада? — спросил я, показывая хозяину хрестоматию.

— Ада... дочь. Она, еще когда русские были за Псковом, поехала к брату в Алуксненский уезд. Теперь там уже три месяца нет немцев.

Появилась хозяйка с угощением. Она рассказала, что позавчера вечером «лесные коты» (искатели партизан) заметили четырех парашютистов, выбросившихся из советского самолета. Вчера с утра искали парашютистов, но не нашли. «Лесные коты» боятся прихода Советской Армии. Волостное начальство уже собрало свои пожитки и ожидает сигнала эвакуироваться в Германию. Почта и телеграф почти прекратили работу. Со дня на день здесь ожидают прихода советских войск.

Мы рассказали крестьянам о последних событиях на фронте и, простившись, вышли из дома.

. Молодая женщину — невестка хозяина, держа на руках сынишку, вышла нас проводить. Она сказала, что муж ее с 1941 года находится на советской стороне фронта. Она приветливо улыбнулась Зубровину, которого сначала приняла за врага.

— Надо нам, ребята, поменьше расхаживать в немецкой форме, — сказал Зубровин, когда мы отошли от хутора, — а то латыши могут прихлопнуть нас, — добавил он.

Толстый Костя Озолс довольно улыбался.

Поздним вечером по просьбе Агеева Колтунов рассказывал о демонстрации в его родном городе Мустве в день провозглашения в Эстонии Советской власти и воссоединения Эстонии с Советским Союзом.

— Да-да... — говорил Колтунов. — Народу было на улице в тот день — сила; кажется, и в городе столько нет жителей. Красные флаги, песни... Сосед мой портреты Ленина и Сталина вынес. Двадцать лет их хранил он, прятал от полиции. И я с нашими ребятами-каменщиками шагал под знаменем!

— А буржуазия? Буржуазия, как себя чувствовала? — любопытствовал Агеев.

— Буржуазия? Окна закрывала, чтобы не видеть.

А СТОЯТЬ НАДО...

После освобождения нашими войсками Риги поток вражеских войск и техники покатился на запад, к Кулдыге, затем к портам Лиепая и Вентелис. В районе Лиепая шли бои. Отрезанная группировка врага пыталась выйти из «котла», прорваться в Восточную Пруссию. Но это гитлеровцам не удавалось.

В эти дни движение по дорогам особенно усилилось; мы дежурили у шоссе круглые сутки. Приходилось по два раза в день передавать в штаб фронта радиogramмы о движении противника.

Вечером на ночное дежурство отправились Костя Озолс и я.

Разостлав на земле плащ-палатку, мы уселись среди молодых елочек. Отсюда до дороги раскинулась широкая поляна с вихлявшим по ней ручейком. Русло ручейка можно было определить по росшим на его берегах кустам ивы. По ту сторону шоссе леса не было, и силуэты движущихся машин отчетливо виднелись в сумерках.

Часа через три, как мы начали наблюдение, поток машин на шоссе стал почти сплошным. Чтобы удобнее наблюдать, мы решили перебраться ближе к шоссе, спрятавшись там в ивовых кустах.

Только мы успели переползти и выбрать место для наблюдения, как на шоссе загрохотали колеса орудий. Озолс отмечал палочками на бумаге количество проходящих пушек.

Но вот потянулся обоз. Солдаты уныло пели песню, один из них подыгрывал на губной гармошке мелодию.

— Вот нам и концерт, Виктор, даже бесплатный, — прошептал Озолс.

Вдруг с передней повозки раздалась команда..

Обоз остановился. Солдаты начали располагаться на отдых около шоссе, вблизи нас. Оставаться на месте и ждать, пока они уйдут, — рискованно. Мы не знали, сколько времени обозники будут стоять. Как на зло, на небе появилась луна. Отходить к лесу надо по залитой лунным светом поляне.

Озолс показал на автомат.

Верно, я понимаю его. Отсюда удобно полоснуть по обозникам, но тогда мы выдали бы присутствие нашей группы в этом районе и провалили наблюдение за шоссе...

Однако времени на размышления не было. Я припал к земле и пополз. Озолс последовал моему примеру. Держа наготове автомат и не сводя глаз с немецких обозников, я полз по открытой, залитой светом луны поляне. Озолс ползет рядом. Вот и ручей с покатыми берегами. Переползая через него, мы промокли насквозь.

Наконец, мы в лесу. Смотрим молча один на другого. Озолс поднял ногу, из широкого голенища потекла вода. Он снял сапог и принялся выжимать портянки.

— Завтра надо сюда прийти. После привала останутся конверты. По ним мы узнаем номер полевой почты этой части, — заикаясь и дрожа от холода, с трудом вымолвил Костя.

Положение наше было серьезным: мы промокли насквозь. Впереди ночь, которую придется провести на сырой земле. Разложить костер нельзя, чтобы не выдать себя врагам.

Когда добрались до базы, я почувствовал себя совсем плохо. Товарищи укрыли меня, чем только могли.

«Только бы не расхвораться, только бы не стать обузой для товарищей», — эта мысль не давала покоя. Заболеть здесь, в тылу врага, я не имею права.

В полдень совсем близко от места, где мы находились, раздалась две длинные автоматные очереди и вслед за тем громкие, колющие сердце крики.

— Хо-ох!.. Ала-а-а!.. — неслось над лесом вместе с несмолкающей пальбой.

— Ох! — отозвалось эхо.

Повидимому, что-то случилось на нашем «наблюдательном пункте», где дежурили Зуб-ровин и Колтунов. То, чего избегли Озолс и я ночью, наверное, произошло с ними сейчас.

— Кончай болеть, Виктор! — сказал мне Агеев, вынимая из сумки гранаты.

Я поднялся. В глазах было темно; меня качало, точно пьяного.

— Крепись, Витя! — старался подбодрить меня Озолс, тоже вооружаясь гранатами.

Минуты тянулись медленно, медленно... Крики смолкли, но редкие выстрелы все еще нарушали тишину; где-то, должно быть на хуторе, выла собака.

Вдруг неподалеку от нас в кустах послышался шум, треск ломающихся под ногами веток.

— Кто идет? — окликнул Агеев, держа наготове гранату.

Мы разместились за деревьями, готовые к встрече.

— Свои.

Это вернулись Зубровин и Колтунов. Мы бросились к товарищам, хотелось скорее узнать, что произошло у шоссе, чем вызвана стрельба. Оказалось, что на ельник, где находился «наблюдательный пункт», наскочил боковой дозор фашистского пехотного подразделения. Наши дали по нему очередь и, скосив передних, пустились в лес, провожаемые залпами и криками всей части.

— Мне кажется, сюда они не придут, подумают, что мы ушли далеко, — предположил Зубровин. — Часть шла быстро, должно быть, гитлеровцы спешили.

Не успел он сказать эти слова, как снова; раздалась выстрелы.

— Может быть, они лес прочесывают, — промолвил Озолс.

— Не думаю, — возразил Зубровин. — Стреляют для очистки совести. Они не знают, сколько нас, и углубляться в лес не захотят.

— Это возможно, но все-таки смотреть надо в оба.

Я сел, прислонившись спиной к стволу сосны. Зубровин опустился рядом.

— Работать сможешь, Виктор?

— Попробую, — тихо ответил я.

— Постарайся! Передай вот это... Слов двести. Надо обязательно сегодня же. На восток прошел артиллерийский полк и танки. Ночью было движение на запад, а теперь на восток.. Надо сообщить об этом командованию...

Шифровать радиogramму мне помогал Агеев.. Он аккуратно вывел цифровые группы слов. Разбросали антенны, и я, надев под шапку телефоны, нажал ключ.

И вот более трех часов я стучу, стучу поддерживаемый товарищами. Как тяжело отбивать последние десятки цифр! Сильнее и чаще колет в голову, точно в сросшийся рубец раны втыкают иголки. В ушах гудит... Наконец-то получена сигнал-квитанция и я, предоставив товарищам убирать аппаратуру, добрался к своему месту и лег.

Это был седьмой день нашего пребывания в «котле».

Прошла еще ночь, ничем не лучше вчерашней, — с холодным дождем и ветром. Утром мне сказали, что я бредил. Я так обессилел, что не мог встать. Неотвязная мысль, что Аустра погибла в болоте с нераскрытым парашютом почему-то все время преследовала меня.

В самом деле, что случилось с Аустрой? Во время прыжка я не видел ее парашюта, как не видел и других товарищей. Шедший непосредственно за Аустрой Колтунов тоже не мог ничего сказать. Он не видел, раскрылся ли ее парашют. Правда, в лесу, на просеках, мы обнаруживали следы женской обуви. Но эти следы могли оставить женщины из соседних хуторов. В лесу пасут скот, туда ходят за дровами. Какого-либо условленного места встречи после приземления у нас не было. Мы прыгали вслепую...

Вечером, напрягая все усилия и волю, я снова работаю на радиостанции.

Нам радируют: «Благодарим за данные. Ищите Аустру. Готовьтесь идти в новый район».

— Что мне делать? — спрашиваю я.

— Кушать надо больше, Виктор, — строго ответил Зубровин. — Обессилеешь ты.

Я стараюсь побороть болезнь, не поддаваться ей.

На следующий день по радио мы получили приказ идти на юг, оседлать шоссе Тукумс — Кулдыга. Это в пятнадцати-двадцати километрах от места, где мы находились.

Колтунов вырезал палку и подал мне. - — Вот, возьми. Довоевался, — с упреком сказал он.

Перед тем как выступить, мы хором выкрикнули имя Аустры. Молчание. Только эхо прокатилось по лесу.

Крикнули еще раз — тот же ответ...

— Нет, пропала девушка, — со вздохом произнес Зубровин, — пошли, братцы!

Молча шагали мы по просеке, шурша опавшими и уже потемневшими листьями. Печален лес осенью. На ветках осиротелых берез, точно слезы, дрожат прозрачные капли. Кажется, деревья плачут, горюя о потерянном золотистом одеянии; уныло шелестят ветки голых кустарников, только ели и сосны стоят зеленые и высокие; им как будто безразлична осенняя непогода, - их вершины гудят тем же гулом, как и летом. Но вот просека оборвалась и перед нами разостлался луг. На той стороне, у самого леса, возле старого сеновала пасутся дикие козы.

— Подстрелить бы, хороши козочки! — причмокнул губами Колтунов.

Козы, услышав шум, насторожились. Увидев нас и словно понимая, что мы не можем по ним выстрелить, они не спеша исчезли между деревьями.

Мрачно и тихо стало на лугу. Казалось, серое небо, низко нависшее над лесом, прижало все живое. Ни звука, точно вымерло вокруг все и страшная тень смерти, прикрываясь сизым туманом, вот-вот коснется моего тела. Мне стало жутко от этой мысли. Нет, я не должен свалиться! И я не согнусь! Я буду идти! Я должен победить болезнь ради друзей, ради борьбы, для которой мы сюда пришли...

И я увереннее, тверже ступаю по земле, опираясь руками на автомат, разбрызгивая воду лесных луж, шагаю, не отставая от друзей.

ПРЕРВАНЫЙ ЗАВТРАК

Вторые сутки мы идем на юг. Всей силой воли я заставляю себя двигаться, не обращать внимания на слабость. Я стараюсь думать о чем-нибудь дорогом для меня, иногда даже подшучиваю над товарищами, чувствуя, что мне в самом деле становится легче.

Утром мы пересекли дорогу Кабиле — Кулдыга и расположились в небольшом редком лесочке. Идти осталось немного. Где-то в этом районе мы должны выбрать место для своего лагеря.

Вдруг Колтунов заметил неподалеку двух человек с автоматами. Не успели мы что-либо предпринять, как один из них дал очередь, и затем оба бросились бежать. Тот, что стрелял, был без фуражки, белообрый... Он бежал, не оглядываясь, вобрав голову в плечи...

Одежда на них смешанная — по всей вероятности это полицейские. Нас же узнать легко. Мы в

черных кепках и пальто. За плечами мешки. После встречи с полицейскими нельзя терять ни минуты времени, скорее уходить от места нашего привала. Вдали, на юго-запад от нас, темнел лес. Мы решили немедленно пробираться туда.

Конечно, случись встреча с полицейскими под вечер, мы бы чувствовали себя по-иному, но сейчас — десять часов утра, а это плохое время для таких встреч.

Выбираясь из леса, мы вышли на берег какого-то ручья. Оставив меня и Колтунова в кустах около ручья, Зубровин, Агеев и Озолс пошли вперед разведать местность.

Только они удалились, как неподалеку от нас послышались голоса. Они приближались к нам. Я быстро спрятал под отвесным берегом. Ручья радиостанцию. Держа наготове автоматы, мы ждали появления неизвестных. Вероятно, это вернулись стрелявшие в нас полицейские. Сколько их?..

Берегом ручья шли четверо. Они шли следом за нами, но тех, что стреляли в нас, среди них не было.

— Стой! — не утерпев, крикнул Колтунов. — Бросай оружие!

— Сами бросайте! Мы — русские!

Не опуская автоматов, мы смотрели на своих противников. Их четверо, нас двое. Теперь, вблизи, они мало похожи на полицейских. Но кто они?

Прошло несколько секунд. Двое из незнакомцев положили на землю автоматы и подошли ближе. Один из них — высокий, в черной измятой шляпе, одетый в ватную стеганку и куцые немецкие брюки, болтающиеся ниже колен, улыбнулся.

— Вижу, что свои, — сказал он. — Мы, как только услышали о вас, сразу догадались, какие вы люди. Мы тоже партизаны! Стреляли-то по вас наши ребята — повар и санитар. Пошли в разведку к дороге, да и «разведали»... От неожиданности они вас за немцев приняли. Давайте знакомиться — Петр Трифонов, или «Тарас», — как меня зовут, — закончил он, подходя еще ближе.

— А я Гусак, Леонид Петрович, — сказал второй, пониже ростом, с пышными белокурыми усами.

Через несколько минут мы познакомились по-настоящему. Подошли и те двое, что стояли вдали. Мы от души пожимали друг другу руки.

— Закуривайте! — Тарас предложил нам немецкие сигареты.

— Мы у них ларек около контрольно-пропускного пункта разнесли, — пояснил один из вновь подошедших — широкоплечий, широконосый, малоповоротливый парень, который, знакомясь, назвался Костех Толстых, а партизанская кличка его была «мяиор».

Мы предложили закурить «отечественного».

— О, вот это дело! Не то что ларечная дрянь, — Тарас бросил сигарету, оторвал бумагу и начал закручивать махорку, которую ему подсыпал болтунов. Тарас делал это с явным удовольствием, сияя глазами.

— Я вас все время на мушке держал вон из-за того куста, — указывая на густой ореховый куст, сказал подошедший последним пожилой уже партизан в такой же черной шляпе, как и Тарас. — Но, приглядевшись, мы решили, что вы люди свои. Прозвище мое «Казимир Большой».

Я спросил у «Казимира Большого», не служил ли он в Советской Армии.

— Нет, я местный житель. Учителем был до-войны.

Вскоре к нам подошли Зубровин, Агеев и Озолс. Побеседовав еще с партизанами, мы пошли в их лагерь.

Лагерь был скрыт в молодом, но очень густом ельнике. Там оказалось несколько прикрытых ветвями, низко натянутых палаток, под которыми можно было сидеть или лежать. Я несказанно обрадовался этому.

Между двух высоких елок горел костер, над которым висел я ведро с варевом.

Около костра я увидел стрелявшего в нас белобрысого повара. Он искоса поглядывал на нас и винов: усмехался.

ПОБРАТИМЫ

Партизанский отряд, с которым мы встретились, состоял из группы разведчиков первого Прибалтийского фронта, местных жителей и советских солдат, бежавших из немецкого плена. Конечно, «отряд» — название условное, так как всему личному составу его до нашего прихода хватало на обед ведра супа. Командиром отряда был Александр Данилович Капустин.

Партизаны приняли нас, как родных, угостили всем, что было у них. Узнав, что я болен, Капустин немедленно предложил мне свою постель.

Александр Данилович Капустин был из тех людей, которых, увидев, нельзя забыть. У него сильная, костистая фигура, крупный с горбиной нос и смуглое энергичное лицо со свежим, недавно зажившим шрамом на левой щеке; черные, как смоль, волосы, такие же борода и усы. Взгляд его — то строгий, словно пронизывающий насквозь, то мягкий и ласковый.

В первый же день нашего пребывания в лагере между Капустиным и Зубровиным состоялся деловой разговор. Было решено жить вместе. Находясь здесь, мы могли не только выполнить задание командования — установить наблюдение за движением по одной из важнейших шоссе дорог в Курляндии Тукумс — Кулдыга, но значительно шире развернуть нашу разведывательную работу: установить связь с местным населением, иметь разведывательные данные о работе железных дорог, о работе вражеских штабов и прочее. Было решено, что каждая группа будет делать свое дело, взаимно помогая друг другу. Мы будем представлять единую боевую семью. Теперь повар Михаил, когда варил суп, над костром вешал не одно ведро, а два.

Мы рассказали об Аустре. Известие об исчезновении девушки было немедленно передано поддерживавшим связь с партизанами местным жителям. От одного из них — деда Галабки — вскоре поступило сообщение о том, что он видел на просеке девушку, похожую по описаниям на Аустру. Она была с автоматом и сумкой. Это случилось неделю назад. Больше она не появлялась.

В партизанском лагере я быстро поправился. Михаил — знакомый нам белобрысый повар — сам приносил мне еду.

— Вот я вам горяченького, — говорил он. — Только что с подогрева. Поправляйтесь! — Михаил, хотя никто не упрекал его за очередь из автомата по нас, видимо, чувствовал себя все же несколько виноватым.

Агеев и Колтунов в смене с двумя партизанами, которых выделил Капустин, вели круглосуточное наблюдение за шоссе. Но движение на шоссе с каждым днем заметно ослабевало. Активные боевые действия на фронте прекратились. Гитлеровцам не удалось прорваться в Восточную Пруссию, и они притихли, как мыши в своем углу. Наше командование, должно быть, тоже не спешило с разгромом курляндской группировки.

«Куда они денутся? Пусть припухают», — говорил повар Михаил. Он, будучи в плену, заготавливал дрова для штаба 18-й гитлеровской армии. Работать приходилось до упаду, а еда — пустая болтушка, кусок хлеба да картофеля. Хотя из плена Михаил убежал давно, но он до сих пор не мог забыть того, что испытал там.

Зубровин и Озол побывали на хуторах и завели знакомство с жителями.

Моя работа на радиостанции, вместе с шифровкой и расшифровкой телеграмм, занимала в сутки два-три часа. Я и мой товарищ по ключу на советской стороне фронта понимали друг друга по тону сигналов и по почерку. Поэтому вместо позывных мы часто выстукивали что-то похожее на марш или быстрый танец. Когда работа идет хорошо — и на душе легко. После удачной передачи и приема деловых телеграмм хочется иногда сказать далекому сержанту или старшине, которого никогда не видел в глаза, теплое слово, и, конечно, не сдерживаясь, скажешь, пользуясь международным радиоязыком; а перед сигналом «конец работы» дашь такой финал, что хоть танцуй.

Часто я подсаживался к костру, слушая рассказы партизан. По вечерам, вместе с радистом Володей Кондратьевым, я проводил время возле приемника в ожидании приказов товарища Сталина.

Володя Кондратьев — москвич. Шестнадцатилетним юношей он покинул дом, чтобы пойти в партизаны. Володя любил рассказывать о своем детстве, о Москве, о партизанской зоне в Белоруссии, где ему пришлось побывать.

До войны он успешно учился в средней школе. У него была способность к музыке, хороший слух; он выступал в оркестре московских школьников, которым руководил композитор Чернецкий.

Весной 1944 года Володе посчастливилось побывать в Москве. Старая мать не сразу узнала сына. Она представляла его все еще школьником, а он явился возмужалым, окрепшим бойцом-партизаном.

Капустин любил Кондратьева. Они работали неразлучно уже три года.

У Капустина, как и у многих партизан, особенно у парашютистов, было и иное, партизанское имя — «Сашок».

— Славный человек этот Сашок! — говорил Костя Озол. — Умный, решительный. Двадцать шесть лет ему, а борода, хоть на выставку. Бородатая теперь молодежь!

— Неплохой парень! — высказал свое мнение Агеев. — Ребята боролись сегодня, Сашок всех по очереди на лопатки положил. А кто он?. Силач? Акробат? Ничего подобного. Бухгалтер МТС из-под Барнаула. Надо мне с ним побороться...

Я подружился с двумя «братьями» — командиром разведки Петром Трифоновым — «Тарасом», который первым признал в нас своих, и белокурым, белолицым Павлом Ершовым.

Ершов всегда ходил в начищенных до блеска сапогах. Он почему-то никогда не смотрел товарищам в глаза. Это меня заинтересовало. Пытался узнать о Павле что-нибудь у «Тараса», который с 1942 года был с Ершовым в партизанской зоне на Смоленщине и в Белоруссии, но точного ответа тоже не получил. «Привычка девичья у него глаза опускать, — смеясь ответил Тарас, — а вообще человек хоть куда». Была и еще странность у Ершова. Если вблизи него пет людей, он обязательно посмотрится в зеркало и причешет волосы. Тарас, если заметит Ершова с зеркальцем, обязательно скажет: «Наш Паша хочет всем нравиться». — «Брось, Тарас! — сердится Ершов. — Не люблю я ходить неряхой, только и всего...» Тарас широко улыбается и подмигивает товарищам: «Знаем мы, почему не любишь. Встретил дивчину на хуторе, вот и причина».

Но говорят, что Павел Ершов в самые горячие минуты боя никогда не теряет спокойствия и самообладания.

Тарас и характером и внешним видом резко отличался от своего «брата». Одежду он носил, не придерживаясь никакой формы, — латышская шляпа, русская фуфайка и куцы немецкие брюки. Он добродушен и прост. У него нет никаких тайн. Все, что думает, он выкладывает на суждение товарищей.

Все мы, собравшиеся здесь, уроженцы разных районов Советского Союза — я с Украины, Тарас из-под Рязани, Ершов из Белоруссии. Есть среди нас и москвичи, и уральцы, но наши жизни до войны были так схожи, что все мы чувствуем себя в отряде, как братья, близкие и надежные друзья.

Ефим Колтунов подружился с Костей Толстых — коренастым, сильным парнем в морском бушлате. До войны Толстых был колхозным чабаном в Мордовской АССР. За смелость и боевые дела партизаны прозвали его «майором». Он, как и Колтунов, никогда не избегает опасности; чем труднее и опаснее поручение, тем охотнее он берется за него. Он владеет искусством минера, и немало вражеских машин подорвалось на шоссе на минах, заложенных нашим «майором».

Агеев строго следил за порядком в лагере и боролся с малейшими нарушениями дисциплины. В лагере не должно быть шума, громкого смеха, выкриков. Агеев ссорился с поваром, если от костра валил дым. Он требовал, чтобы костер горел без дыма, пламенем. Все эти предосторожности были крайне важны, так как в полукилометре от нас находились хутора. Разбить лагерь дальше от хуторов невозможно: лесной массив невелик. Чтобы не выдать своего местопребывания, нам каждую неделю приходилось переходить на новое место. Сейчас очень близко от лагеря было жилище лесника; это заставляло нас быть особенно осторожными, так как известно, что наш «сосед» не питает симпатии к партизанам.

Агеев вырос в деревне. В лагере он подружился с Петром Порфильевым, крестьянином Лудзенского уезда, из Латгалии. Порфильеву

было уже под сорок. Внешне он ничем не походил на разведчика. Ходил не спеша, говорить любил обстоятельно и большей частью слушал рассказы товарищей; сам он знал много сказок и вечерами, когда ему удавалось сидеть у костра, охотно рассказывал их.

Как-то вечером я возился с новым комплектом сухих батарей для нашей рации, Перфильев и Агеев сидели неподалеку и курили. На коленях у обоих лежали автоматы, но разговор, который они вели, носил самый мирный характер.

— Скажи ты мне по совести, Алеша, — подвинувшись ближе к Агееву, говорил Порфильев, — сколько можно заработать в колхозе хлеба? Если, скажем, семья три-четыре души — можно прокормиться?

— Как тебе сказать, — хитро усмехнулся Агеев. — Судя по тому, как человек работает, какие руководители в колхозе.

— Все-таки... Работает, положим хорошо?

— А вот у нас, к примеру, в колхозе «Искра» в предвоенный год выдавали на трудодень по три килограмма хлеба, да по три рубля сорок копеек деньгами. У меня в семье четверо, а трудоспособных двое. Выработали мы восемьсот двадцать трудодней. Считаю теперь — сколько мы получили?

Порфильев долго сидел молча, видимо, подсчитывая доходы хозяйства Агеева.

— Выходит, что вы получили две с половиной тонны хлеба и около трех тысяч рублей деньгами? — недоверчиво протянул он.

— Не выходит, а так на самом деле. Кроме хлеба и денег, мы получили много овощей, кормов и других продуктов. А наш колхоз еще не лучший, средний, можно сказать, — есть у нас в районе такие, что на трудодень выдали больше нашего раза в полтора.

— Это как сказка. Мы, когда в памятном сороковом году стали советскими, говорили о колхозе, да ведь у нас трудно. Земля у нас болотистая. Тяжело у нас.

Агеев потушил огонек цыгарки и спрятал в мох окурки.

— В отношении болот не беспокойся, — сказал он. — В колхозе техника будет. Лет через пяток от ваших болот следа не останется. Где были болота, там колхоз пшеницу будет сеять. На то и власть советская, она поможет.

— Агитируешь за колхоз, — сказал я как-то Агееву.

— Не агитирую, а рассказываю, как мы у себя в колхозе живем. Тут дело понятное. Порфильев, хотя он и единоличником жил, когда Латвия была не советской, а человек деловой, — в тюрьме сидел при гитлеровцах. Он сказал, что в Латвию Советская власть вернется, за это его арестовали. Из тюрьмы он бежал и попал к партизанам.

— Коммунист он или беспартийный? — спросил слушавший наш разговор Колтунов.

— Беспартийный. У них в отряде только командир коммунист, есть несколько комсомольцев, а в большинстве они — беспартийные советские люди.

УТРО В ЛАГЕРЕ

— Свейки, товарищ! Я тоже партизан, — представился мне и подал руку сероглазый мальчуган со светлыми бровями и румяными щеками.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Валюк, — важно задрал голову, ответил мальчуган. — Меня в отряде давно знают.

Дружба партизан с Валюком началась месяца два назад, когда, выбросившись на парашютах в тыл протшвника, разведчики перешли под Кулдыгу.

Знакомство состоялось так. Как-то под вечер Капустин и радист Володя Кондратьев возвращались с задания. Пробираясь по лесу, вдруг они услышали — кто-то неподалеку кричит по-латышски.

— Взвод, разойдись вдоль луга!.. Почему не выполняешь приказ? Я тебе приказываю... Пойдешь на гауптвахту!

— Товарищ командир, может, полицейские?.. Окружают нас, — высказал сомнение Володя.

Они прислушались. Командовал один и тот же голос. Потом все затихло. Прошло несколько минут. Партизаны стали осторожно продвигаться вперед. Вдруг совсем рядом раздался треск ломающихся веток, из-за кустов выбежал на поляну бык, а за ним мальчуган с кнутом.

— Ты у меня заработаешь! — крикнул он, ударив быка.

Увидев незнакомых людей, пастух остановился, посмотрел на них и виновато улыбнулся.

— Что ты делаешь в лесу? — спросил Капустин.

— Скот пасу, — бойко ответил мальчуган. — А вы откуда?

— Мы... шли просекой, услышали, что тут кто-то командует. Полицейских не видал здесь?,

— Нет.

— А кто кричал?

— Это я... Бык у меня отбился. — Ты один здесь?

— Один...

Парнишка оказался толковым. Выяснилось, что он пасет чужой окот, что двое ребят с ближних хуторов убежали с работы у гитлеровцев, ищут партизан. В конце концов они договорились, что мальчуган завтра принесет хлеб, что он будет опять в этом лесу.

— А зовут меня Валюк, — сообщил он на прощанье.

На следующий день Валюк привел к месту встречи Сашу Гайлиса и его товарища, невысокого, но крепко сложенного паренька, назвавшегося Казимиром. Оказалось, что они уже несколько недель скрываются от гитлеровцев. Так началось знакомство. Саша Гайлис и Казимир Малый были приняты в отряд.

Через них отряд установил связи с окрестными хуторами; Валюк стал работать в качестве связного. Он приходил в лагерь каждую среду, доставляя разведывательные данные. С помощью местных жителей партизаны-разведчики узнали, сколько и какое вооружение имеется у гитлеровцев в Кулдыге, сколько находится там солдат; Валюк сосчитал даже количество проводов, протянутых з штаб курляндкой группы войск, находившейся в пяти километрах от Кулдыги, на хуторе.

Валюк бывал в лагере не только днем, но и ночью. Однажды его задержал полицейский, но Валюк сказал, что идет за расчетом на хутор Лейши, где пас коров. Полицейский ему поверил и отпустил.

С нами он скоро подружился. Мы и другие партизаны бывали на хуторе его отца. Кстати, ходили туда очень охотно. Виной тому была Эмилия — сестра мальчугана, — веселая, красивая девушка. Валюк по секрету передавал, что сестре больше других наших ребят нравится Тарас, но все же побывать на хуторе, перемолвиться словом с девушкой — об этом мечтали многие.

Рано утром, когда синяя дымка рассвета таяла среди сосен, окружавших лагерь, вернулись с ночного задания Костя Озолс и Агеев.

— Фашисты щиты подвозят к дороге, собираются зимовать, — сообщил Озолс, располагаясь в шатре, сооруженном из натянутых палаток и еловых веток. По улыбающемуся лицу его было видно, что он доволен тем, что ему удалось узнать.

— Рассказывай, Костя, — предложил Зубровин.

— Встретились с «Тем самым», — сказал Озолс и достал из внутреннего кармана фуфайки исписанную бумагу. — Вот здесь, — показал он бумажку, — точные данные о транспортных судах в Лиепайском порту, находившихся там вчера. Тридцать судов! Транспорты простоят еще около двух суток, а вот это, — он подал другую бумажку, — план размещения портовых складов и описание их маскировки.

Я развернул карту, на которой мы отметили новые оборонительные точки по реке Вента и места, где расположены зенитные батареи.

«Тот самый», на встречу с которым ходили Озолс и Агеев, был кинооператор, латыш по национальности, работавший в кинохронике у гитлеровцев. В прошедшую ночь он прибыл на хутор под Рендой навестить жившую там жену. Познакомившись с этой женщиной и

уверившись в том, что она ненавидит гитлеровцев, расстрелявших ее отца, Озолс встретился с ее мужем, оказавшимся честным человеком. С тех пор, бывшая на хуторе у жены, «Тот самый» передавал через нее очень ценные разведывательные данные, так как по своей работе кинооператора хроники ему приходилось бывать в Лиепайском порту и на других военных объектах гитлеровцев.

В этот день в час своей передачи я передал командованию радиограмму с данными по Лиепайскому порту: о транспортах, находившихся там, о расположении портовых складов с описанием их маскировки, а также об оборонительных сооружениях гитлеровцев по Венте.

Окончив доклад, Озолс и Агеев ушли к костру, где собрались партизаны. Налетавшие порывы ветра задували пламя, и дым, стелясь по земле, обволакивал любителей тепла. От дыма партизаны морщили носы, отмахивались, но каждый держался за свое место. От одежды шел пар, приятное тепло охватывало тело. Посидеть и согреться у костра после сырой и холодной ночи — это удовольствие ни с чем несравнимо для людей, которые вынуждены жить в лесу, терпеть и холод и осенний дождь.

Сырой туман, ночью кутавший лагерь, постепенно рассеивается, обнажая унылый вид осеннего леса. Над огнем в двух ведрах готовится суп. Запах лука и мяса щекочет ноздри.

Тарас с группой бойцов собирается на задание. Одни идут на посты, другие будут патрулировать около хуторов, наблюдая за скрещиваниями лесных дорог. Срок дежурства смены до трех часов дня.

Около десяти часов в лагерь явился ходивший в патруль Саша Гайлис. Он сообщил, что на хуторе, километрах в трех от нашего лагеря, находится группа — человек сорок — гитлеровских солдат и полицейских. Кроме автоматов, гитлеровцы имеют два пулемета.

Лагерь насторожился. Партизаны разбирали оружие, подтягивали ремни, нацепляя на них автоматные диски, гранаты, мины. Разговаривали шепотом. Костер продолжал гореть, но у повара Михаила из-за спины торчал ствол винтовка. Павел Ершов даже теперь не забыл натереть обрывком бархатной материи сапоги, и кажется, он только и занят тем, что любителю их блеском. Группа партизан тихонько стучит костяшками домино, играя в «козла».

Проходит еще час. От патрулей нет никаких сигналов. Лагерь начал успокаиваться. Но вот снова явился Саша Гайлис. Лицо у него угрюмое и злое.

— Коров фашисты забрали на хуторе, — докладывает он командиру, — должно быть, за тем и приходили.

— Из наших они никого не заметили? — спросил Капустин.

— Нет.

— Быть самому незамеченным, а видеть больше и больше знать — наше золотое правило, товарищи, — говорит Капустин. — После сегодняшнего посещения гитлеровцами хуторов нам следует быть настороже.

— Продовольствия фашистам не хватает. Вот они и взялись за грабеж крестьян.

— И своих коней сожрут, если Советская Армия не ликвидирует в ближайшее время курляндский «котел».

— Весь скот угнали с хутора? — спрашивают Сашу.

— Весь. Ничего не оставили, — отвечает тот.

Оба командира — Капустин и Зубровин — отнеслись очень серьезно к известию о появлении на хуторах гитлеровцев. В то, что гитлеровцы явились только за тем, чтобы угнать скот, — ни Капустин,

ни Зубровин не верят. По их мнению, скот гитлеровцы могли забрать, не посылая вооруженный взвод солдат. Эта «заготовка» — одна из форм слежки, которую ведут фашисты за нами. Не скот, а точное место нашего расположения — вот что интересует их сегодня.

Капустин высылает дополнительно патрули на подступы к нашему лагерю, наказывает внимательнее следить за дорогами и за передвижением противника. С этим же распоряжением Валюк, бывший в это время в лагере, отправляется на хутор, к отцу. Во что бы то ни стало мы не должны позволить врагу захватить нас врасплох.

ЗВЕЗДНЫМ ВЕЧЕРОМ

Вот уже два дня наши летчики бомбят Лиепайский порт. Взрывы фугасок в порту порой сливаются с артиллерийскими залпами под Скрундой и Салдусом.

Вечер. Ветер гонит облака к морю. И вот уже чистое небо смотрит на землю мигающими звездами. На юго-запад от нас вспыхнуло зарево. Там же, похожие издали на звезды, повисли в небе осветительные ракеты, доносится грохот взрывов.

— Лиепая горит!

— В порту. Танкер с горючим вспыхнул.

— Нормально, товарищи. Небось, гитлеровцам памятна будет работа наших летчиков.

— А что о бомбежке Москва передавала?

— Совинформбюро во вчерашней сводке сообщило, что совершен налет на Лиепайский порт в момент, когда там находилось до тридцати вражеских судов. Отмечены прямые попадания.

Приятно сознавать, что в успехе бомбежки фашистских военных объектов есть доля нашего незаметного, скромного труда. Наши радиogramмы с сообщением о положении в порту пришлись кстати.

В лагере все, кто были свободны от нарядов, выбрались на вырубку смотреть на далекое зарево. А над головами у нас раздавался непрерывный рокот моторов. Это наши воздушные корабли летят громить фашистов.

Вдруг раздается автоматная очередь... Еще... Прозвучали два винтовочных выстрела.

Это на шоссе, там дежурит Зубровин с группой бойцов. Задание им — добыть «языка».

Со стороны шоссе выстрелы затихли. Мы идем к палаткам. Я заглядываю к «братьям» — Тарасу и Павлу Ершову.

В палатке Тараса и Ершова собрались партизаны; тут же находится Костя Озолс. Он большой любитель слушать рассказы товарищей.

— Хорошо сказано, — улыбаясь, качает он головой и снова настораживается, слушает, стараясь не пропустить ни одного слова.

Я прилег возле Тараса. Он положил кусочек бараньего жира в баночку, и вскоре огонек «лампочки» вспыхнул ярче.

— Михаил, твоя очередь. Расскажи что-нибудь об Одессе!

Михаил приподнялся, посмотрел вокруг. — Эх, была бы здесь гармонь, да партизанская зона, -как было в Полесье, рванул бы я так, чтоб меха треснули. Русскую бы... А го живем — голоса полного не подай.

Веселый парень Михаил из Одессы. В отряде любят его, но на боевые задания командир посылает его редко. После того случая, когда при встрече с нами Михаил, растерявшись, дал очередь из автомата, Капустин говорит, что опасно повару в разведку ходить: загремит не вовремя кастрюлями — выдаст себя и товарищей. Михаил обижался на это, но знал, что спорить с Капустиным бесполезно. Характер у того крепкий, если что сказал, то слову своему он хозяин.

— Тарас, помнишь партизанскую зону? — спросил Ершов.

— Еще бы, разве можно забыть?

Широко река весною в поле разливалась.

Партизана я любила, да не сознавалась;

Партизана я любила, свое сердце тешила, —

На плечо ему сама винтовочку вешала...

— вполголоса запел Тарас, Ершов подхватил припевку. Когда песня оборвалась, в палатке захлопали.

— Спойте, братцы, что-нибудь еще — партизанское, да так, чтобы всем подпевать, — воскликнул Михаил. — Начинай, Тарас!

— Ладно, споем. Был у нас в отряде хороший паренек, стихи писал. Читал нам их у костра... Так читал, что за сердце брало. Убили его фашисты. Это была его песня:

Пронесется гроза боевая,
Мы вернемся в родные края,
Но тебя не забудем, родная,
Партизанская наша семья.
Нашей дружбы великой цели,
Вечеров и бесед у костра;
Как, летя под откос, гремели
Фашистские поезда...

«Языка» захватить не удалось, и Зубровин вернулся недовольный результатами встречи с гитлеровцами. Группа его обстреляла на шоссе легковую машину. Зубровин строго наказывал — стрелять по колесам, но несколько пуль ударили выше и одна угодила в голову ехавшего в машине лейтенанта полевой жандармерии. Это сделал командир второго отделения отряда Николай Гомолов.

Комсомолец Николай Гомолов с восемнадцати лет бьется в тылу врага. Впервые он пришел в партизанский отряд в конце 1941 года вместе со своим отцом Карпом Григорьевичем. И отец и сын служили во взводе разведки, которым командовал Александр Данилович Капустин. Отряд действовал на родине Гомоловых, в Калининской области. В последние дни перед освобождением Калининской области от фашистских захватчиков гитлеровцы схватили и зверски замучили Карпа Григорьевича. В феврале 1942 года, после освобождения родных мест, Николай Гомолов попросил советское командование направить его в тыл врага. Он дрался в Белоруссии и Литве. Летом 1944 года во время отдыха Николай Гомолов снова встретился с Александром Даниловичем

Капустиним; результатом этой встречи было то, что Гомолов оказался на территории захваченной гитлеровцами Латвии. За три года партизанских боев на счету Гомолова до полусотни захваченных фашистских «языков» и два пущенных под откос вражеских эшелона. Теперь он сам сердился на себя за то, что по его вине не удалось захватить живым офицера гитлеровской фельджандармерии.

— Не дальше как завтра «язык» будет, товарищ командир, — обещал Гомолов. — А этого, — он показал на жандарма, — оставим тут и заминирuem.

Забрав полевую сумку жандарма, оружие, личные документы и значок с надписью «фельджандармерия», партизаны заминировали труп гитлеровца и скрылись.

Среди захваченных документов оказались протоколы допросов немецких солдат, вера которых в своего фюрера и свою победу была явно расшатана. После Сталинграда в гитлеровской армии все острее сказывались упадок духа и неверие в победу. Среди солдат, оказавшихся в курляндском «котле», эти «настроения» проявлялись особенно резко, о чем говорили многочисленные аресты недовольных жандармами и гестапо. Попавшие в наши руки протоколы допросов арестованных солдат подтвердили это. Были среди бумаг, захваченных у жандарма, различные донесения, циркуляры, распоряжения и в том числе распоряжение о том, чтобы автомашины, следовавшие по шоссе Талей — Кулдыга, ходили только колоннами. Это мы знали. Гитлеровцы никогда не были уверены в том, что их машины не окажутся простроченными из засады партизанскими автоматами. Кроме нашего отряда, в Курляндии было немало других, составившихся из ушедших в леса местных жителей-латышей и бежавших из плена солдат Советской Армии.

Среди личных бумаг жандармского лейтенанта нашлись и порнографические открытки; такие открытки мы находили у многих убитых и захваченных гитлеровских офицеров. Тут же была фотография, изображавшая группу полунагих головорезов на берегу пруда. Судя по надписи на обороте, это были «курсанты», если их можно так назвать, гитлеровского военного училища; среди, этой группы был и владелец фотокарточки.

Толстых, рассматривавший открытки, не выдержал:

— Какой срам! Скажи, Сашок, — обратился он к Капустину. — Ведь он же, этот лейтенант, небось, учился, корчил из себя культурного человека, над целым миром хотел властвовать со своим фюрером, а вот тут, — Толстых потряс поднятыми открытками, — сказала вся его душонка. Наши бойцы умирают с пробитыми пулями комсомольскими билетами и книжками «Как закалялась сталь», а этот... Бот он весь тут — гитлеровский выкормыш.

На лице Толстых были и гнев и суровое презрение. Таким Костя бывает редко. Обычно шумный,

веселый, ему с трудом удается сказать серьезно два слова. В гневе его сейчас сказались, вся его ненависть к фашистам; к этим врагам в сердце его нет пощады.

В. отряде Костя Толстых — скромный, прекрасный товарищ. Простой, общительный, он никогда не отступает перед опасностью. Чем труднее задание, тем охотнее он идет его выполнять. Ростом он не выше Зубровина, но крепкий, коренастый, сильный... Он даже по земле шагает как-то особенно твердо. Глядя на него, я всегда думаю о том, что такие вот люди, как Костя, способны на большие дела; каждое его движение полно непоколебимой уверенности в свое будущее, в солнечное будущее всех простых людей.

У Кости Толстых и Ефима Колтунова была общая, цель: оба они мечтали захватить, если не главнокомандующего группой «Север» гитлеровского генерал-полковника Шернера, то по крайней мере кого-либо из штабных генералов. Штаб курляндской группы гитлеровцев находился от нас в каких-нибудь десяти километрах; по шоссе, за которым мы установили постоянное наблюдение, нередко проезжали штабные машины. Остановить одну из них и захватить крупного «языка» — об этом часто говорилось у партизанского костра. Говорят, что еще недавно сам Шернер ездил по шоссе без особой охраны, теперь не только он, но и штабные генералы не появлялись без сопровождения одного - трех броневиков.

Сегодня вечером у костра снова говорили о Шернере. Вернувшиеся с дежурства на шоссе Тукумс — Кулдыга Казимир Малый и Саша Гай-лис сообщили, что они видели машину Шернера.

— Эх, вы... вороны! Не попытались остановить... Какие же вы партизаны-разведчики! — возмутился Толстых. — Упустили этакий случай! Будь я командиром, я бы вас послал на «губу», до тех пор пока курляндский «котел» не будет ликвидирован.

— Правду сказал Костя, — поддержал Костю Толстых Колтунов.

— А что было делать? — оправдывались разведчики. — Лезть на рожон? Шернера мы не достали бы, а сами уже, наверно, не сидели бы здесь, у костра. Да и задание наше было машины считать.

— Шернера можно сбить, когда он полетит на «костыле» [«Костылем» называли учебный самолет (Прим. автора)], — сказал кто-то.

— Нет уж, прозевали случай...

— Тише, хлопцы! — окликнул Капустин спорщиков. — Забыли, где находитесь. Николай Абрамович, — обратился он к Зубровину, — займемся бумагами гитлеровца. Эх, вот когда, знание немецкого языка пригодилось бы, — посоветовал Капустин. — А то знаешь «хенде хох» [Руки вверх (нем.)] и — все.

— До войны, Сашок, надо было тебе поступить в институт иностранных языков.

— Надо бы, а я только семилетку окончил да курсы бухгалтеров. Знал бы, что придется заняться разведкой в тылу врага, подготовился бы к этому.

НА ЗАГОТОВКАХ

Неподалеку от лагеря раздался стук. Это условный сигнал часовых. Вызов из лагеря.

На тропе стояли двое неизвестных. Один высокий, худой, на вид лет не более тридцати пяти, второй — покрупнее, круглолицый. Оба в старых куртках, заплатанных брюках и стоп. тайных ботинках. На головах у обоих — темные широкополые шляпы.

Пришедшие оказались батраками. Хозяин давно уже не платит им за работу. Он заведует пунктом сбора молока и масла, дружит с айзсаргами. Не зная, как заставить хозяина расплатиться, батраки надумали пойти к нам с жалобой.

Они рассказали, что на хутор свезено много продовольствия, которое не сегодня-завтра будет отправлено гитлеровскому интендантству; кроме хозяина, на хуторе находится сейчас полицейский с автоматом.

— Дайте нам оружие, мы рассчитаемся с ними за все, — просили они. — Кто мы такие, — вот Петро знает.

Подошедший Порфильев сказал, что он знает этих людей, они не раз помогали ему и что доверять им можно.

Посоветовавшись, Зубровин и Капустин решили, что надо забрать заготовленные фашистами продукты на хуторе. Об этом решении было объявлено после обеда и тут же выделили группу партизан для выполнения задания.

Возглавлял группу Павел Ершов. Выступили немедленно, чтобы к вечеру успеть пройти расстояние до хутора. Перед самым выступлением группы было получено донесение, что у разбитой

легковой машины с фашистским жандармом подорвалось на оставленных нами минах трое фашистов. Сейчас вызванные саперы ищут еще мин.

Зубровин, хотя с неохотой, но отпустил меня вместе с группой «заготовителей». Отойдя от лагеря, мы вытянулись гуськом. Впереди — прибежавшие с хутора батраки, за ними Казимир Большой и Ян Залатис; замыкали группу Павел Ершов и я.

— При встрече с населением помните, что вы советские люди, — провозжая нас, говорил Капустин. — Захваченные продукты, кроме того, что сможете унести для пополнения продовольственных запасов лагеря, раздайте крестьянам. Так вы уварены в том, что хозяин не знает, куда вы ушли? — повернувшись к прибежавшим батракам, еще раз спросил он.

— Не знает. Он думает, что мы пошли в волость пальцы свои прикладывать на паспорта, — заявили те. — А мы там побывали и попутно сюда...

— Ну, хорошо. Пошли, товарищи!

— Пошли! — махнул рукою Ершов.

В лесу было тихо, сыро и пасмурно. Надвигался вечер.

За быстрым и полноводным в те дни ручьем возвышалась пуня. Старая, с покосившейся стеной, с дырявой, обросшей мхом крышей, она уже давно пережила свой век, но еще стояла, подпертая бревнами.

Мы перебрались через ручей, перекурили и снова вышли на просеку. Просеки — самые, удобные дороги для нас; по ним можно и ночью безошибочно пройти кратчайшим путем.

Стемнело, когда мы вышли к шоссе. Выбрав время, когда вблизи не было вражеских машин, мы перевалили его. За шоссе раскинулся луг, потом снова лес, небольшие болотца. Чаше стали встречаться хутора. Моросил дождь. В темноте видно, как в стороне фронта вспыхивают ракеты; оттуда доносится артиллерийская стрельба.

До нужного нам хутора добрались около полуночи. Там, кроме полицейского, находилось еще двое пьяных солдат. Ходивший на разведку Казимир Большой доложил, что дверь не заперта.

Мы приготовились. Ершов подал команду:

- Вперед!

Вмиг распахнулась дверь, и в освещенную, наполненную табачным дымом комнату ворвались неожиданные гости.

Колтунов и Саша Гайлис обезоружили одного солдата, мы с Казимиром — другого. Юрий и Мартын — батраки, проводившие нас на хутор, связали полицейского, и Юрий, завладев его автоматом, стал у двери.

Сидевший за столом хозяин поднял вверх руки.

Колтунов допрашивал солдата.

— Ты мне не заливай, говори толком, как фамилия вашего командира батальона? — требовал он у пленного.

— Майор Толчини, — по-русски отвечал тот. — Наша рабочий рота, нестроевой.

Казимир Большой «беседовал» с хозяином:

— Ты сукин сын, а не латыш, — говорил он тому. — Вот латыши, — указал он на Яна и Сашу Гайлиса, — они в партизанах, а другие — в гвардейском корпусе по ту сторону фронта. А ты хуже гитлеровца. Ты продажная душа! Тебя стоит повесить на самом высоком дереве, чтобы всей Латвии было видно предателя.

Кроме бочонка масла, меду, колченого мяса и других продуктов, на чердаке дома Юрий и Мартын разыскали десять винтовок и четыре ящика с патронами; приволокли ящик немецких гранат с длинными деревянными ручками.

У плененных солдат мы забрали оружие, срезали погоны; солдат решили оставить на хуторе, дав им совет поскорее дезертировать из части. Поступая так, мы тем самым показывали лживость слухов, распространяемых среди солдат гитлеровской армии о том, что в Советской Армии будто бы расстреливают всех плененных... Владельца хутора, устроившего у себя склад оружия, и полицейского забрали с собой.

В лагерь вернулись нагруженные продуктами. Юрий и Мартын не остались на хуторе, где работали: вместе с нами они ушли в отряд.

МЫ СЛЫШИМ ТЕБЯ, НАША РОДИНА!

То был необычайный, незабываемый вечер в курземском лесу — канун 27-й годовщины Великой

Октябрьской социалистической революции.

Все, кто были в этот вечер в лагере, собрались у командирской палатки. С высокой ели спускалась антенна. Мы старались обеспечить, хороший прием. Сегодня в Москве будет торжественное заседание.

...Шум аплодисментов, сквозь который прорывались громкие приветственные возгласы в честь руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, вырвался из репродуктора. Партизаны теснились ближе.

— Это Москва!.. Товарищ Сталин будет -говорить!

Шум овации становился все громче. Вместе с теми, кто находился сейчас там, в залитом огнями зале, мы переживали большую радость.

В этот миг будто раздвинулась тесная лесная поляна. Мы смотрели друг другу в глаза. Выше поднимались груди. Большинство нас, бывших на поляне, родились после исторических залпов «Авроры». Нас миллионы таких простых молодых советских людей, готовых отдать все свои силы, свою жизнь за то, чтобы всегда сияло над миром знамя Великого Октября, великое знамя Ленина.

— Салютнуть бы теперь на весь лес так, чтобы в Кулдыге услышали! — не стерпел кто-то.

— Салютнем! Будет и на нашей просеке праздник. Час победы нашей уже недалек!

Аплодисменты смолкли. Кажется, затих даже шум деревьев.

— Товарищи... — раздалось в репродукторе.

Голос товарища Сталина донесся к нам через линию фронта, сюда, в гнездовье фашистских дивизий, прижатых к морю советскими войсками.

Как чистую ключевую воду, которую жадно глотает измученный жаждой человек, воспринимали мы — советские люди, сражавшиеся в тылу врага, — слова товарища Сталина. Они — эти слова — входят в кровь, в сердце. В памяти моей вставал другой такой же вечер. Это было в Октябрьскую годовщину 1941 года.

...Наш краснофлотский патруль шел по Большому проспекту Васильевского острова. У остановки трамвая стояло несколько женщин. И вдруг почти одновременно с глухим выстрелом немецкого орудия взвился вверх столб дыма и резкий взрыв расколол холодный осенний день. Потом второй, третий... Дым рассеялся. На мостовую упали поднятые взрывом камни. Мы бросились к месту, где разорвались снаряды. Стонали раненые.

А вечером, после доклада товарища Сталина, дневальный по кубрику принес к столу, где сидели бойцы, мою шинель. Она была забрызгана кровью — это кровь мальчика, которого я относил на медицинский пункт. Кто-то из бойцов тихо сказал:

— Это кровь наших детей, женщин, стариков...

...Фашисты мешают приему радиопередачи, но напрасны их усилия. Мы слышим! Мы слышим тебя, наша Советская Родина! Мы слышим твой голос, Москва!..

— Теперь за Красной Армией остается ее последняя заключительная миссия... добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы.

И снова вырывается из репродуктора буря аплодисментов.

Мы тоже аплодируем, и наши сердца вместе с теми товарищами, которые находятся сейчас в зале.

Репродуктор умолк. Но партизаны не расходятся. Каждому хочется поделиться своими мыслями.

— Фашисты изгнаны из пределов нашей Родины.

— Только один клочок советской земли топчут враги — Курляндию.

— Поможем, товарищи, нашей армии скорее доколотить гитлеровцев.

— Вот теперь будет о чем рассказать крестьянам! — говорит Порфильев. — В трудные дни верили мы в победу и победили.

Советская Родина свободна.

Родина...

Чистый закат солнца. Пыль вдоль села, поднятая возвращающимся стадом. Веселые крики детворы. Песни парней и девчат, несущиеся из края в край по селу, им вторит рокот тракторов, у руля которых сидят такие же хлопцы и девчата, как и те, что на улице. Прекрасная песня молодости отзывается далеким эхом в такой звездной ночи.

Родина... Это поле, где родила меня мать, крик мой первый, вырвавшийся из маленькой груди, и воздух, согретый теплыми лучами июльского солнца, воздух, который я вдохнул впервые тогда — два десятка лет назад.

Это криница, где и жарким летом холодна и чиста вода, над которой шумят четыре высоких тополя, посаженных моим дядей в год моего рождения.

Это песня матери над моей колыбелью, школа, куда я — восьмилетний мальчуган — гордо шагал

с перекинутой через плечо сумкой, на которой заботливая рука матери вышила пятиконечную звезду; школа, где мы уразумели простую и мудрую истину нашего времени — потребность быть достойными своих отцов, стремиться быть в жизни такими, как Ленин, как Сталин.

Это мои друзья по комсомолу, с которыми, обнявшись, ходил я улицей, это язык, на котором в восемнадцать лет своей жизни я впер- вые сказал девдаике — «моя кохана»...

Родина — это все то, что в тяжелый час борьбы и великих испытаний рождает чувство гордости за свою страну. Это дружба русских и латышей, украинцев и грузин, дружба народов, для которых одинаково дорог кусочек советской земли, дружба, о про торой разmozжит себе голову любой которая помогает нам, находящимся в тылу врага, громить его.

ГЛАЗА И УШИ АРМИИ

Нужно захватить «языка». Дело это усложнилось тем, что движение машин на дорогах в ночное время стало очень незначительным. Но нам надо знать, как поживают гитлеровцы в Курземе, что они замышляют? Вопрос о «языке» обсуждается сейчас в палатке Капустина.

Говорит Леонид Петрович. До войны в Лудзенском уезде Латвийской республики Леонида Петровича знали как лучшего портного. С началом войны он, как и Костя Озолс, ушел из Латвии с советскими войсками. Первое время он работал в дивизионной швейной мастерской, но ненависть к фашистам, поработившим родную землю, заставила Леонида Петровича оставить ножницы. С группой парашютистов он был сброшен в тыл врага. Но и здесь он не забыл о своей профессии. Теперь его ножницы рвали телеграфную и телефонную связь гитлеровцев. Он был очень осторожен и расчетлив. Глядя на его пышные белокурые усы, прищуренные глаза и неторопливые, будто ленивые движения, нельзя было подумать, что он способен успешно провести рискованную операцию. А между тем за такие операции он брался охотнее всего, и не было случая, чтобы он не выполнил задания.

- Мнение такое, — говорил он сейчас — выйти на шоссе днем, когда гитлеровцы не рассчитывают встретиться с нами, думаю, что Леонид Петрович прав, — завая обсуждение, сказал Капустин. — проведем операцию. Пойду я, Зубровин, Колтунов, Толстых, Леонид Петрович, Капямир Большой и Журавель. Организуем на шоссе контрольно-пропускной пункт и будем проверять проходящие машины. Неплохо будет? А?.. — засмеялся Капустин.

Пасмурный день. Лес, луга, поля, небо кажутся серыми от закутавшего их густого тумана.

К хутору, расположенному у самого шоссе, приближаются вооруженные люди. В окнах видны лица жителей. Среди белого дня никто, конечно, не ожидал партизан здесь — в десяти километрах от Кулдыги.

Миновав хутор, группа вышла на шоссе и остановилась у переезда. Из-за холма показывается грузовая машина. Капустин выходит вперед и поднимает руку. Грузовик замедлил ход и остановился. Молча просмотрев документы, Капустин приказал, показывая на переезд:

— Сворачивай!

Еще машина! Эту остановили Колтунов и Толстых и также свернули на переезд.

— С Кулдыги легковая, товарищ командир! — доложил Капустину Казимир Большой.

На дороге Капустин и Зубровин. В кабине оказался жандарм. Он распахнул дверцу и, видимо, не понимая, в чем дело, сердито спросил:

— Вас ист дас? [Что такое? (нем.)].

Но тут, увидев направленный на него автомат стоявшего рядом с машиной Кости Толстых, жандарм с изумленным, ничего не понимающим лицом поднял руки.

Машины, облитые бензином, запылали. Уводя пленных, партизаны отступили к лесу.

...А за два десятка километров к югу от пылающих машин Агеев и Порфильев осторожно подошли лесом к хутору у шоссе Салдус — Кулдыга. В хуторе живет крестьянин, знакомый Порфильеву.

Несколько минут разведчики наблюдали за домом. Выйти из лесу нельзя. На хуторе находятся гитлеровцы или полицейские. Об этом говорит сигнал — большая белая тряпка, болтающаяся на веревке.

Агеев и Порфильев обошли по опушке хутор. Порфильев, порывшись в дупле стоявшей тут старой осины, достал оттуда консервную банку, в которой вложена записка. На ней написаны карандашом в столбик три буквы «Т», «П», «К». Это значит — танки, пушки, кухни. Дальше против каждой буквы ряд палочек, которые указывают количество прошедших по шоссе машин. Ниже приписка: «У шоссе, за горкой, к Салдусу, на разветвлении дорог фашисты строят дзот».

— Молодец старик, — сказал Агеев, познакомившись с запиской. — То, что он написал, дает ясную картину движения по шоссе за день.

Порфильев улыбается.

— Если бы ты, Алексей, увидел деда Галабку, ты бы понял, какой он человек. Красивый, истинно партизанский дед! Хоть к награждению его представляй!

Вторые сутки в районе между Стендой и Талей находятся Тарас, Костя Озолс и Саша Гайлис. Они завязывают связи с населением, проверяют имеющиеся у нас данные о возводимых фашистами укреплениях, устанавливают места нахождения складов с боеприпасами и продовольствием.

В то время, когда группа Капустина, захватив «языка», возвращалась в лагерь, Тарас, Костя и Саша подошли к хутору. Тут жили две русские девушки с Псковщины — сестры Нюра и Клава. Девушкам удалось бежать, когда партию таких, как они, «беженцев» фашисты конвоировали в концлагерь. Сестер приютили в этом доме. Дочь хозяина хутора работала на почте, с нею Тарас давно уже завязал знакомство.

Оставив на посту Сашу Гайлиса, Тарас и Озолс зашли в дом.

Озолс начал разговор с хозяевами на родном языке. Пока они говорили, Тарас встретился с Лизой, работавшей на почте. Беседу их прервали появившиеся Нюра и Клава.

— Опять будете проситься в отряд? — посмеялся Тарас, пожимая руки девушкам.

— Опять! — усмехнулась Нюра. — А почему нам нельзя быть там?

— Потому, что Курляндия не партизанская зона, какая была у вас на Псковщине, а «котел», набитый фашистскими солдатами. Живите пока здесь. Станет тяжело — тогда что-нибудь придумаем.

— Мы все, все делать будем. Всякую тяжелую работу, — поддержала сестру Клава. — Мы тоже партизанки.

— Ладно, придется поговорить с командиром, — пообещал Тарас. После он сказал Озолсу:

— Девчата боевые, а что делать с ними? Здесь их двое да на хуторе у Сорокина три... Надо куда-нибудь определить их. Принять в отряд командир не разрешит...

— Не разрешит.

— Здесь, по хуторам, столько есть наших людей, что можно бы организовать большой отряд. Вот бы заварили кашу, не хуже, как было в Смоленской области или в Белоруссии!

— Нет, Тарас, наши задачи другие. Мы — разведывательная группа. Нас командование предупреждало еще перед вылетом, чтобы не вздумали организовать партизанский отряд.

В комнате снова появилась Лиза. В руках у нее была гитара. Она перебрала струны и запела по-русски, с небольшим акцентом выговаривая слова:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного —
Отдохнешь и ты...

— Хорошая песня, — похвалил Тарас, — да жаль — не нам она пока адресуется. Я не хочу отдыхать, хочу действовать, бороться... Но скоро придет время, сядем вот так, как сегодня, и споем хором... Да не вполголоса, как Лиза, а во весь голос...

Вошел Саша Гайлис.

— Пора уходить, — сказал он. — На соседнем хуторе появились какие-то подозрительные люди. Тарас и Озолс простились с девушками. Пора!

Павел Ершов, Ян Залатис и Сорокин стоят в густом лесу неподалеку от Кабиле. Они разговаривают с женой Залатиса — Анной.

Анна сообщила последние новости. В Кабиле находится воинская часть. Школа занята гитлеровцами под казарму. На недавно оборудованном аэродроме семь самолетов.

Закончив свое сообщение, Анна отошла немного в сторону и остановилась, поглядывая то на своего Яна, то на Ершова.

— Мы пойдем, Ян, — усмехнулся Ершов. — Мы тебя подождем за просекой.

Ершов и Сорокин ушли, дав возможность Яну наедине проститься с женой.

— Хорошая женщина Анна, — с грустью, негромко вымолвил Ершов. — И любят они друг друга. Не хочешь, а позавидуешь их счастьем.

— Разве у тебя нет любимой девушки?

— Была. Познакомился я с нею в партизанском отряде под Себежем. Ее убили фашисты.

Сорокин посмотрел на него. Он хотел что-то сказать, выразить свое сочувствие горю товарища, но вместо этого произнес:

— Подождем здесь...

Они сели у вывороченного корневища поваленной бурей ели. Под корневищем, в образовавшейся яме, блестела вода. Ершов, нагнувшись, молча посмотрел в ее зеркало, потом достал платок и принялся смахивать с плеч прилипшие сухие иглы. Сорокин свернул папироску и закурил. Как и Порфильев, он уже не молод. Несмотря на русскую фамилию, по национальности он латыш. До войны работал на заводе в Риге. С первых же дней, как немецко-фашистские захватчики оккупировали Латвию, Сорокин ушел в лес, вступил в партизанский отряд и с тех пор с оружием в руках боролся за освобождение Латвии. В июле 1944 года произошел взрыв на Рижском вокзале. Немецкие газеты сообщали об этом, правда, не упоминая о том, что от взрыва на вокзале пострадала находившаяся там воинская часть. Взрыв этот был делом рук Сорокина. Работая в городе, Сорокин помогал бежавшим советским военнопленным добираться к партизанам. В начале августа Сорокин по поручению подпольного комитета должен был сделать рейд из Латгалии в Курземе и возвратиться через месяц-полтора обратно. Но началось наступление советских войск. Латвия быстро освобождалась от немецких захватчиков. Вскоре советские войска замкнули кольцо окружения вокруг Курземе. Сорокину, задержавшемуся здесь, удалось установить связь с группой Капустина, и он перешел в отряд.

Подошел Ян. Он доволен сегодняшним днем, своей встречей с Анной. Увидев поджидавших его друзей, он широко улыбнулся:

— Пойдемте, товарищи!

Вот уже третий час я вырезаю шахматы. На пальцах появились волдыри. Товарищи сначала смеялись над моей затеей. Первый конь, которого я вырезал, был похож не то на собаку, не то на утку. Но постепенно я наловчился, и мои фигуры вызвали одобрение. Готовя шахматы, я мечтал сразиться «у костра» с Тарасом. Тот, как и я, в юности был чемпионом своей школы по шахматам.

Вечереет. Мелкий, словно сеяный, дождь без устали шуршит по натянутой плащ-палатке. Повар Михаил возится у костра. В лагерь возвращаются товарищи с боевых заданий. Слышен голос Капустина:

— Миша, готовь свою батарею! Обед.

ПОПОЛНЕНИЕ

Тарас, Агеев и я возвращались в лагерь. Неподалеку от хутора деда Галабки нас окликнули:

— Стойте, товарищи!

Мы остановились. К нам приближались незнакомые люди в самой разнообразной одежде. На спинах у некоторых из них было клеймо «SU», которым враги помечали советских военнопленных.

— Мы ваши соседи, — размахивая руками, оживленно, как старый знакомый, говорил совсем еще юный солдат.

— Примите нас к себе, — перебил его широкогрудый детина в морских брюках и мичманке.

— Мы готовы выполнить любое задание, — говорил третий — рыжеволосый парень с рябоватым лицом.

— А где же вы раньше были, молодцы? — спросил Тарас, строго уставившись на них взглядом.

— В плену.

Они начали рассказывать, кто из них и при каких обстоятельствах попал в плен.

Моряк Коржан был контужен при форсировании реки Наровы и схвачен немцами, Панаса Касьяненко — щуплого паренька — придавило обломками подорванного им же вражеского дзота под Старой Руссой, рябой Федор был в ночной разведке и, заплутавшись, попал во вражеский окоп.

— Мы поговорим с командиром. Но могу сказать заранее — такими, как сейчас, вас не примут в отряд, — говорит Тарас.

— Почему не примут? — удивленно поднял брови матрос.

— В отряд надо идти с оружием, а ваше где?

— Но мы же...

— Ушли из плена, — перебил Агеев. — Конечно, плен — несчастье! Но для советского воина — это позор. Как же иначе? Давала вам Родина оружие? Давала. Потеряли его? Так точно. Теперь вы сумели вырваться из-за проволоки, ну так сумейте и оружие добыть.

Парни молча виновато переглянулись.

— Показать надо сначала себя, — продолжал Дгеев. — В доверие войти, а потом будем говорить о приеме. Но, если затеете какое дело, то постарайтесь выполнить его не у нас под носом, а подальше от лагеря.

— Ясно!

Когда мы доложили в лагере о нашем знакомстве, Зубровин и Капустин, посоветовавшись, решили принять новичков в отряд, если те выдержат испытание.

Дней десять новые знакомые не появлялись в нашем районе. Но вот из Талей дошли слухи, что там какие-то неизвестные напали на часового и отобрали у него оружие, а на одном из хуторов среди бела дня убит полицейский. Эти же неизвестные партизаны остановили на шоссе машину с гитлеровскими офицерами и разбили ее.

Вскоре после этих событий наши знакомцы были приняты в отряд. Теперь это были не безоружные парни, бежавшие из немецко-фашистского плена, а вооруженные винтовками и пистолетами бойцы.

Так в наш отряд прибыло пополнение. Готовя обед, повар Михаил вешал над костром третье ведро.

С каждым днем в лесу все больше и больше встречалось латышей и русских, бежавших из фашистского плена. Все они просили принять их в нашу семью.

Мы просили командование фронта включить в груз, готовящийся для нас, десяток автоматов и пулемет. Но в этом нам было отказано, — Нам напомнили, что наше дело — разведка и разведка прежде всего.

— А мы хотели гарнизон организовать в лесу, — пошутил Костя Озолс. — Наше дело — разведка. Правильно. Но если по совести сказать, товарищи, чешутся руки. Трудно сдержаться.

В окрестностях лагеря стихийно возникали группы партизан. Мы то и дело получали сведения о боевых действиях партизан, порой в нежелательных для нас местах. Организованного странного, что и дома, на Украине, и в Ленинграде, и здесь, в Курземе, за линией фронта, было одно и то же небо, светили те же, знакомые с детства звезды.

Я любил летом спать во дворе или на сеновале, смотреть на звезды и мечтать о том, что будешь делать через пять-шесть лет.

«Кем ты будешь?» — Как-то на эту тему мы писали контрольные работы в школе.

Мой товарищ Борис Ампилов готовился расщеплять атом, — он даже повесть фантастическую написал об этом в школьный литературный журнал. Желание его было — отеплить весь север. Петр Долгодуш, Виктор Щутенко, Александр Яременко писали, что будут командирами Красной Армии. Я писал о том, что интересовало меня, и поставил над работой эпиграф: «Борьба — это счастье».

На ближнем хуторе залаяла собака.

— На месяц брешет, — пояснил Порфилюев. Но вот послышался шум...

— Не наш. Это «костыль», — определяет Тарас.

Мы лежим и продолжаем тихо беседовать.

Прошел час. Месяц закрылся тучкой, и тени в лесу исчезли. Скоро облака заволокли все небо. Обычная прибалтийская погода.

— Не придет, погода нелетная, — сетовали бойцы.

И когда уже казалось, что самолет действительно не придет, далеко на севере послышался нарастающий гул. Он все ближе, ближе...

— Самолет! Наш!

Рев мощных моторов раздается над лесом.

— Зажигай, Алексей! Зажигай!

Костры вспыхивают. Самолет включил огни, делает разворот и летит прямо на нас.

— Эх, хотя бы на хвост взял! Ведь я три года России не видел! — восклицает Федор Куйбышевский, новичок.

— Хвост, хвост! За мешками смотри. Черные точки отделились от самолета и, повиснув на парашютах, приближались к земле.

— Разве не говорил я, что сбросят! — радостно шумел Кондратьев.

— Тише! — предупредил Зубровин. Вместе с группой Агеева, принимавшей груз, к нам подошел только что приземлившийся новый радист, посланный командованием фронта для отряда «Красная стрела».

Агеев, смеясь, рассказывал о подробностях приземления.

— Вижу, спускается парень, бегу помочь, а сам думаю: сейчас табачку отечественного закурю. Трофейные эрзацы надоели до тошноты. Здравомоемся. Справляюсь о табаке, а парень говорит: «Не курю». Присматриваюсь, а парашютист-то девушка...

— Зина, — громко назвалась гостя. — Привет с Большой земли вам и вам — всем, — улыбнулась она окружившим ее ребятам.

— Спасибо!

— Не забывают, значит, о нас.

— Не забывают, помнят и заботятся, — сказала Зина. — Там, — она показала на доставленные с места приземления мешки, — письма вам есть.

— Вот это посылка! — воскликнул Колтунов. — Прямо с неба явилась почтальонша. Вас, Зина, мы, пожалуй, теперь не отдадим «Красной стреле».

Зина взглянула на Колтунова, улыбнулась, но ничего не ответила.

Просматриваем содержание «посылки».

Новенькие автоматы, пачки патронов, мины, гранаты, табак, бинты, теплые куртки, брюки; сапоги. Все наше, советское...

В одной из «посылок» оказались радиобатарей, мешочки с сахаром, консервы...

— Письма, письма давайте!

— Вот они, — Агеев поднял плотно перевязанную пачку писем.

— Мне есть?

— А мне?

— Разбирайте скорее!

Я получил несколько штук. Письма от матери, от брата.

Сажусь ближе к костру. Разорвав конверт, я смотрю на исписанные страницы. Узнаю почерк матери и вижу ее лицо, ее озабоченный взгляд; читаю, мне кажется, что я слышу ее встревоженный голос. Она пишет, что никак не может понять, где я нахожусь, ее тревожит то, почему я не пишу... Ясно вижу пятна расплывшихся строчек. Не выдержав, я отворачиваюсь от костра и смотрю вдаль.

(Как хочется сказать матери ласковое слово... Вокруг костра взволнованные лица товарищей. Не знаю, у меня нет слов для того, чтобы передать те чувства, которые испытывали мы, сидя в глубоком тылу врага, получив письма с родины.

Брат Евгений пишет, что он вместе с Борисом варит сахар для фронта. Работают они у одного аппарата, оба стахановцы. Пишет, что их (Конгессовский завод получил переходящее знамя Государственного Комитета Оборона). В конце другого письма стихи:

ГПд час блокади був у Ленинград!,
Великий голод пережив,
Був на Морі, плавав на
линкори В оКопі кров свою пролив.
А коли блокаду вже прорвали
І наша армия рвонулася вперед,
Тодд тебе у тил до ворога послали,
Слшому Птлеру на вред...

«...Это я о тебе сочинил, дорогой наш братишка, — объяснил Борис. — Мы видели кино «Ленинград в борьбе», и, когда смотрели, мама плакала, вспоминая тебя.

Был у нас летом в отпуске Иван Винник, он спрашивал твой адрес. Мы с Женей догадываемся, где ты находишься, и успокаиваем маму...»

Мне стало душно. Я расстегнул ворот фуфайки, отодвинул со лба шапку. В грусть, навеянную письмами от родных, ворвалось чувство радости и гордости за своих братьев-близнецов. Они — пятнадцатилетние хлопчики — варят сахар. Батько! Жил бы ты сейчас, так же, как и я, гордился бы тем, что твои хлопчики настоящие люди. Может, тот сахар, что мы получили сегодня, варили мои братья. И сердце наполняется гордостью за наш советский строй, за наших рабочих, колхозников, которые куют меч для победы, одевают, кормят свою славную, могучую армию.

На следующий день, с утра, группа партизан готовилась к выходу. Они идут сопровождать Зину Якушину в отряд «Красная стрела». С этой группой уходит Зубровин. Он с командиром «Красной стрелы» должен согласовать планы нашей оперативной работы и договориться о совместных действиях в приближающуюся зиму.

Зина готова к походу. За спиной у нее мешок. Правая лапа пальто заметно оттопыривается: под пальто Зины — кобура с пистолетом «ТТ». Зина прощается с остающимися в лагере.

— До свиданья!

— Осталась бы у нас, Зина! — не то в шутку, не то всерьез, улыбаясь и щури свои синие глаза, говорил ей Колтунов. — Разве плохие у нас ребята? Посмотри только — один лучше другого!

— Славные ребята! — согласилась девушка, пожимая ему руку.

— Оставайтесь, право! — повторил он свою просьбу.

— Осталась бы, — снова улыбнулась Зина, — да... приказ.

— Лучше бы тебе лететь к нам без приказа! Прощаясь со мной, Зина сказала:

— Если сломается мой радиоприемник, я обращусь к тебе, Виктор...

— Конечно, — утвердительно ответил я. — Радиомастерских у нас нет, отремонтировать придется самим.

Вскоре после ухода группы со связи от Трауздунских хуторов, близ Кулдыги, пришел Леонид Петрович. Он рассказал, что на тропах, по которым мы ходим на хутор, кое-где брошены свежие еловые ветки. Это работа межакети [«Лесные коты» (лат.)], которым фашисты поручили выследить нас.

Кроме местных межакети и айзсаргов, в Курляндии находились «полицаи», бежавшие из западных областей России, из Белоруссии, Эстонии. В годы немецко-фашистской оккупации эти люди служили гитлеровцам, убивали и грабили своих земляков; теперь они, спасаясь бегством от наступающей Советской Армии, вместе с двумя гитлеровскими армиями оказались в курляндском «котле». Эти предатели-Родины с холопским усердием старались показать, что не зря жрут фашистский паек. Неделю назад наши патрули захватили в лесу двоих «полицаев-беженцев». Сначала они выдавали себя за охотников на коз, но после сознались в своих преступлениях и рассказали, что в кулдыгской комендатуре имеется сообщение, будто фашистское командование ликвидирует партизан до наступления зимы. За каждого живого или мертвого партизана учреждены денежные награды и премии в виде водки и сигарет.

Леонид Петрович принес также последний номер газеты, издающейся в Кулдыге. На второй

полосе этой газеты были рисунки, посвященные нам, партизанам. Фашистский листок; рисовал нас обросшими бородами, с ножами в зубах. Один из рисунков изображал, как «партизаны» подкрадываются к крестьянину, видимо, с намерением его убить. В газетке было напечатано обращение к партизанам, в котором предлагалось до 14 декабря выйти добровольно из леса. Всем вышедшим обещалось помилование, в противном случае гитлеровское командование в Курляндии угрожало ликвидировать «банды» в течение трех дней. В одной из заметок говорилось о том, что скоро «фюрер» даст своей армии новое оружие и Советская Армия покатится к Москве. Прочитав фашистский листок, мы поняли одно, что население Курземы активно поддерживает партизан и это бесит фашистов. Все угрозы их обречены на провал.

Темнеет. В палатках зажгли жировые лампочки. Свободные от боевых заданий люди отдыхают. Одни играют в самодельные шахматы, другие разговаривают. Агеев читает принесенную им откуда-то с хуторов повесть Толстого «Хаджи-Мурат». Его внимательно слушают Порфильев и Юрий. Утихший лагерь в эти минуты почти ничем не напоминает лагеря народных мстителей. Он кажется мирным, похожим на ночное пристанище лесорубов или задержавшихся в лесу охотников.

НАШ ДЕД

Разбудил меня Володя Кондратьев, он спросил:

— Хочешь пойти в баню?

Я принял этот вопрос за шутку, даже отвечать не хотелось. Давно не мытое тело вдруг охватил такой нестерпимый зуд, что от него, казалось, готова была потрескаться кожа.

— Дед, Галабка звал. «Смотрите, говорит, не прозевайте, пока тихо на хуторах».

Ночью было холодно, и земля замерзла. После осенней сырости было приятно ощущать твердую землю, слушать, как хрустит под ногами свежий ледок. Вместе с нами пошел и молодой Григорий Галабка. Луны не было, но звезды горели так ярко, словно они радовались исчезновению осенней грязи, скованной морозом.

Дед Галабка нас встретил на улице. Невысокий, с тщедушным, но крепким телом, он пропустил нас в дом.

— Прошу, — пригласил он. — Старуха, неси пока молока братьям. Банька у меня истоплена крепко, помоется, как сто пудов с плеч упадет. Вы мойтесь, а я подежурю, ежели что — скажу.

— Не беспокойтесь. На посту уже стоят наши товарищи.

— Вам виднее, конечно. Вам виднее... Оно, конечно, дисциплинка, служба караульна... А как Гришка мой воюет? — поинтересовался старик и погладил свою широкую бороду.

— Привыкает, — ответил Капустин.

— Конечно, — повторил свое любимое слово старый Галабка. — Привыкнет! Ты, Александр Данилович, посылай его туда, где тяжелее...

В комнату вошла невестка — жена Григория — Дуня.

— Готово там? — спросил ее Дед.

— Готово.

— Шестерым тесно будет, — обращаясь к нам, сказал Галабка. — Ступайте по трое. Веники там, в предбаннике.

— О девушке, которую вы осенью видели на просеке, ничего не слышно? — вспомнив о пропавшей Аустре, спросил я у старика, когда первая тройка ушла в баню.

— Нет, не слышно, — вздохнул дед. — С той поры, как я видел ее, — никаких больше следов. Конечно, если бы я знал, что она ваша, задержал бы.

Старик говорил так, словно он был виноват в исчезновении Аустры. Он искренне жалел девушку и хотя не говорил, но, должно быть, предполагал в душе, что Аустру выследили и захватили враги.

Всякий раз и меня, и моих товарищей при воспоминании об Аустре охватывало тяжелое, гнетущее чувство. Мы терялись в догадках, но сделать ничего не могли.

Тяжелое молчание нарушил Капустин. Он спросил у деда Галабки, что он узнал во время поездки в Кулдыгу и Талей.

— Ездил, Александр Данилович, — ответил старик. — В Кулдыге был и в Талей. Войско там есть. Тут вот у меня на бумажке все подробно записано. — Галабка достал из тайничка в пазу сложенную плотно бумажку и подал ее Капустину. — Еще одно хочу передать... Священник православный есть в Кулдыге. Хочется ему поговорить с кем-либо из партизан. Ему, конечно, по его положению разрешается бывать всюду; если он согласится — много может нужного рассказать.

Такого сообщения мы никак не ожидали.

— Кого же мы выделим для встречи? — спросил Капустин. — Кого-либо надо постарше.

Я предложил выделить Порфильева и Кол-тунова. Порфильев — человек пожилой, обстоятельный.

— Когда же можно будет с ним встретиться? В каком месте ему удобней? — спросил Капустин,

— Об этом я извещу, Александр Данилович. А встретитесь вы со священником в моем доме, — после недолгого раздумья ответил дед Галабка.

Историю гибели латышской девушки нам рассказал боец латышского партизанского отряда. Участник боев с гитлеровцами в районе Дундыги.

Девушка появилась в отряде в двадцатых числах октября за Абавой. Отряд держал путь на Дундыгу, и девушка пошла с ним. Она была хорошо вооружена, говорила мало, да ее и не тревожили расспросами: чего не бывает с человеком, взявшим оружие, чтобы бороться с врагом в его же тылу!

На подходе к Дундыге отряд был окружен карателями, начавшими в те дни наступление на дундыгские леса.

Партизаны приняли бой.

Несколько раз враги бросались в атаки, но безуспешно. Ручными гранатами, огнем пулеметов и автоматов партизаны отбивали все атаки врага. Девушка сражалась в первых рядах. В минуты затишья она, оставив автомат, перевязывала раненых.

Бой продолжался весь день. Из пятидесяти бойцов отряда в живых осталась одна треть. Не было больше патронов. И тогда партизаны решились на последнее — ударить на врага, с боем вырваться из окружения. Удар их был стремителен. Враг не выдержал натиска. Победа была одержана, но девушка не увидела ее. Девушку эту звали Аустрой.

Это была наша Аустра. Простая латышская девушка, жившая, как солдат, и погибшая, как герой...

Схваченный первыми заморозками лес притих. Осыпав последние листья, обнаженные березы терялись в зелени елок. Природа сложила крылья и, усыпленная морозом, ждала снега.

На нашем участке фронта было затишье, пользуясь которым фашисты усилили борьбу против партизан. Чаще происходили стычки. Мы узнали о приказе немецко-фашистского командования о том, чтобы прочесать все леса, проверить поголовно все население. Таким путем гитлеровцы надеялись ликвидировать не только партизан, но и тех, кто помогал партизанам.

В середине декабря арестовали деда Галабку. Кто-то донес, что его сын Григорий сражается в партизанах.

Прежде чем покинуть дом, дед Галабка все же успел перемолвиться несколькими словами со своей старухой. Разговор был так мимолетен, что Галабке не успели помешать. Натягивая на голову лохматую шапку, он заявил громко: «Не тревожься, старуха. Господин комендант не такой дурак, как тот, кто оболгал меня. Господин комендант поймет».

В комендатуре Галабка держался спокойно.

— Осмелюсь сказать, господин комендант, что никаких партизан я не знаю. Сосед, он, конечно, мог наговорить. Мы не ладим с ним с тех пор, как я переехал в Курляндию. Да того я проживал в Латгалии, — вытянувшись перед столом коменданта, говорил Галабка, отвечая на предъявленные обвинения.

Комендант задал ему еще несколько вопросов, но старик отвечал уверенно и спокойно, начиная каждую фразу со слов «осмелюсь сказать, господин комендант». Отношение коменданта явно изменилось в пользу Галабки. На вопрос о сыне Галабка сказал, что ничего о нем не слышал.

— Мой сын мобилизован на работу в великую Германию и, осмелюсь смазать, господин комендант, грешно мне, старику, путаться с кем-то. Осмелюсь просить, господин комендант, поставить ко мне на хутор на постой ваших солдат. Я буду спокоен. А ежели, как к соседу, явятся из лесу за провиантом, то у меня и охрана будет. Можно, при случае, кого и захватить из них...

Это предложение понравилось коменданту. Он пристально посмотрел на старика.

— Хорошо. Ты докладывай нам все, что узнаешь о партизанах. Германия тебя не забудет, — сказал он.

— Осмелюсь сказать, господин комендант, доложу все, что узнаю.

Галабку отпустили. Вернувшись на хутор, он опустил журавль своего колодца, что означало — идти в дом нельзя, опасность.

Вечером на хутор к нему явилось двое солдат из комендатуры.

— Бабка, кушайт давай, — заявили Они, перешагнув порог.

Старуха засуетилась, искоса сердито поглядывая на Галабку. Тот словно не замечал ничего.

После ужина один из пришедших спросил хозяйку:

— Не было сегодня партизан близ хутора?

— Были, пятеро или шестеро, — ответила старуха. — Они тут каждый день ходят.

— Вооружены?

— Какое у них оружие! Не то, что у вас. У вас настоящее, длинное, а у них короткое, все в дырках, да еще с колесом, — разъяснила старуха.

— Дура бабка! — вскочили солдаты и надели пилотки. — Это гут оружие. Пистолет-пулемет! Нам пора, дед. Дела есть!

Галабка усмехнулся и довольно почесал бороду.

«НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО»

Ночь. За окном гудит ветер. Анна — жена нашего Яна — сидела, наклонив голову, и вязала. На скамье, прислонившись спиной к теплой печке, курил трубку старый отец, и тень его от слабого огонька лампочки расплывалась серым, ломаным силуэтом.

Вдруг раздался громкий стук в дверь.

Анна оставила вязанье, выглянула в сени.

— Кто там?

— Свои, открой!

— Отец, узнаешь голос? — обернулась она. — Риман, начальник полиции.

Стук раздался сильнее.

— Ночью я никого не пускаю. Если что нужно, приходите утром, — крикнула Анна.

— Открой! — донесся тот же голос. И так как Анна не ответила, он добавил: — Ломайте дверь!

Дверь затрещала. Холодный ветер ворвался в комнату.

— Обыскать! Сегодня у нее муж должен быть, — раздалась команда.

Искали всюду, куда можно было только заглянуть: в комнате, в сенях, на чердаке...

— Господин Риман, партизан не обнаружено, — докладывали полицейские.

Риман допрашивал Анну. Она стояла с побелевшими щеками. По виску у нее стекала струйка крови.

— У тебя муж партизан, — говорил начальник полиции. — Когда бывают у вас связные -из отряда? Где сейчас находится отряд?

— Я ничего не знаю, никто ко мне не ходит, — отвечала Анна.

— Ты должна сказать! Этим ты спасешь свою жизнь.

Она не ответила. Молчанье женщины разозлило палача.

— Советские самолеты бомбили наш аэродром, зажгли склады... Чья это работа? Разве ты не передавала сведения большевикам?

— Нет. Никого я не знаю.

Риман подскочил к женщине, ударил ее по лицу.

— Ты скажешь? — прошипел он.

Не успел он что-либо еще предпринять, как Анна неожиданно метнулась в сторону, выбежала на кухню и заперла за собою дверь. Куда бежать? Дом окружен.

Следом раздалась выстрелы. Анна бросилась на чердак, надеясь избежать погони. Неожиданно обожгло ногу, словно кто-то ударил в икру острым и тяжелым. Анна упала. Ее схватили и снова приволокли в дом.

Риман допрашивал старика, и так как тот на все вопросы отвечал молчанием, Риман приказал высесть его. Анну полицейские увели с собой.

Анна была русская, Ян — латыш. Поженились они в 1940 году. Она была настоящим другом Яна.

Мы понимали, какая опасность угрожает ей. Один за другим строили мы планы освобождения Анны. Мы надеялись, что ее будут пока держать при полиции в Кулдыге, но Риман, не добившись от женщины ответов на свои вопросы, передал ее гестаповцам.

На «Рождество» по всей Курземе стояла тишина. Мы даже получили от нескольких близких с нами крестьян приглашение в гости.

Мы сидим за длинным, празднично накрытым столом, сидим не раздеваясь, с приставленными к ногам автоматами.

— Ну что же, товарищи, — поднялся Капустин. — Выпьем за тот день, когда мы встретимся здесь, в Курземе, с нашими братьями — воинами победоносной Советской Армии, за нашу победу, за освобождение советской Курляндии от фашистских захватчиков.

От выпитого домашнего пива немного кружится голова. Латыши затынули песню. Им подпевал Леонид Петрович.

Хороши латышские песни, они лиричны, полны поэзии, любви к человеку, к труду. Они прекрасны, как и сам создавший их народ, как окружающая его природа, — луга, леса, ласковые балтийские воды.

Сильнее бьется в груди сердце, хочется петь, хочется, чтобы и наши голоса звучали так же проникновенно и горячо; чтобы песня выразила то, о чем нельзя сказать словами.

— Павел, а ну — давай нашу, — крикнул Капустин Ершову. — Спойем!

Павел приосанился. Он знал цену своему высокому чистому голосу. Прежде чем запеть, он подождал, пока затихнет шум. Песня, которую он запел, была сложена в псковских лесах, партизаны принесли ее сюда, в Курземе, и по вечерам у костра часто пели ее.

От стен Кремля, что с боем отстояли
Мы от врага в неистовом бою,
Нас вождь и партия сюда послали,
Чтоб бить врага во вражеском тылу...

Когда мы, взволнованные прошедшим вечером, шли в свои шалаши, Колтунов спросил меня:

— Виктор, как ты думаешь, скоро Советская Армия освободит Курземе?

— Скоро... очень скоро.

— И я думаю — скоро. Кончится война, разъедемся все мы по своим местам, каждый к своему делу... Ты как-то говорил, что хочешь учиться, Виктор, — хорошо, а я вернусь к своей профессии...

— Она у тебя веселая, — сказал Зубровин.

— Самая передовая. Я каменщик, а каменщики после войны нужными людьми будут. Может, из вас кто захочет домик построить, — засмеялся Колтунов. — Телеграфируйте в Эстонию, в город Мустве. Приеду, мигом поставлю.

— Вот ребята у нас! — воскликнул Зубровин. — Ефим дом построит, Костя по крышам мастер, Алексей — столяр... Только мы с Виктором пока ничего не умеем, нам надо еще драться за профессию.

Николай Зубровин пришел в армию, только что окончив среднюю школу. Окончил он на «отлично». В первые месяцы войны Зубровин до поздней осени был далеко впереди линии фронта, на самом западном в те тревожные дни клочке советской земли, на полуострове Ханко.

Ханко! Его защитники — матросы и морские пехотинцы — были тогда символом стойкости в глазах защитников Ленинграда. Потом Зубровин участвовал в штурме Шлиссельбурга, брал дзоты на синявинских болотах. В 1943 году после трех ранений Зубровин оказался в разведывательном отделе фронта, где мы с ним и встретились. Оказалось, что мы в свое время, не зная один другого, принимали участие в игре по «Северному морскому пути», организованной «Пионерской правдой». Мы писали дневники о своих «приключениях» в северных ледовых морях — я, живя под Харьковом, Зубровин — в Белоречке. Я не получил премии в игре, так как опоздал с решением задачи, потеряв время на «поиски» островов вулканического происхождения. Николай составил свой дневник неплохо, но карту скопировал неточно, к тому же умудрился со своим «ледоколом» проделать неосуществимое: пришвартовался в бухте Провидения — конечном пункте рейса — на 10 суток раньше срока, доступного для самого опытного капитана.

Зубровин — хороший товарищ и командир. Он готов всегда прийти на выручку, никогда не откажет в помощи, даже если это связано с риском или ущербом, для себя. У каждого в жизни есть друзья. Мне кажется, что в нашей жизни настоящих друзей больше, чем где-либо. Одним из первых моих друзей я считаю своего командира Николая Зубровина.

Лес. Ветер воет над узкой тропой, идущей к домику лесника; воет, словно тянет унылую песню среди этой темной бесснежной ночи.

Повернули на «проспект диких коз». Навстречу нам донесся говор и громкий смех.

— По голосу — это Костя Толстых. Наверное, влип в какую-нибудь историю, — высказал предположение Колтунов.

Подшли ближе. На просеке оказались оба Казимира и Толстых, расположившиеся на поваленной через просеку сосне. Здесь же был Порфильев со своими друзьями Мартыном и Юрием. Порфильев ходил на связь под Скрунду, а Толстых и Казимиры — под Салдус. Встретившись на пути в лагерь с группой Пор-фильева, Толстых рассказывал товарищам свои приключения под Салдусом.

Говорил он, как всегда, кратко. Немецкая форма, в которую были одеты Толстых и Казимиры, не вызывала подозрений ни у вражеских солдат, ни у жителей прифронтовой полосы. К тому же Казимиры неплохо владели немецким языком. Знал десятка два разговорных слов и Толстых.

Выполнив задание и установив, какие части противника находятся в Салдусе, разведав оборону на подступах к городу, разведчики -отправились в свой лагерь.

Начинало темнеть. Примерно на половине пути, неподалеку от хутора, стоявшего около моста через небольшую речонку, партизаны встретили группу эсэсовцев. Увидев погоны «лейтенанта» на плечах у Толстых, эсэсовцы первыми вскинули семафором руки: «Хайль!..» Партизаны ответили обычным воинским приветствием. Это насторожило эсэсовцев. Пропустив партизан, они остановились и начали что-то обсуждать между собой.

Толстых обернулся. Эсэсовцы все еще были на месте. За небольшим пригорком дорога пересекала овраг, поросший кустарником, который вел к лесу. Оценив обстановку, Толстых скомандовал:

— С колена... По врагу — длинной!

Очередь смыва стоявших на дороге фашистов. На берегу оврага, куда скрылись партизаны, стоял сруб. Оттуда доносились голоса.

— Баня, — определил Толстых. Он бросился туда, рванул дверь.

— Рус, гир! Шнель нах Либау! [Русские здесь. Быстро на Либау! (нем.)] Фронт капут! — Без

передышки, громко выкрикнул он.

Появление «лейтенанта», его свирепый вид, весть о том, что где-то близко русские, ошеломила гитлеровцев. Началась неопиcуемая толкотня. Голые, в мыльной пене, захватив кое-как одежду, они выбегали из бани на мороз, метались, галдели.

Посеяв панику, Толстых и оба Казимира скрылись в овраге. Где-то около дороги раздавалась беспорядочная стрельба. Разведчики благополучно достигли леса, и уже здесь, близко от лагеря, встретившись с товарищами, рассказывали о своем приключении.

— Надо было не кричать, а .дать очередь в баню, — сказал Колтунов. — Я бы не утерпел. А то вы гитлеровцам панику навели, а всех живыми оставили.

— Не до того было, Ефим, — пожалел Толстых. — Голые они, мечутся на морозе... Такая картина, что в кино не надо ходить. Дали мы им «ночь под Рождество»..

ЗАСАДА У ХУТОРА

Последние дни 1944 года были тревожными.

Патрули почти каждый день доносили о чужих следах, появляющихся на тропах близ лагеря. Чаше навевдывались гитлеровцы и на ближние хутора. Труднее стало поддерживать связь с местными жителями. За хуторами следила фашистская разведка, и мы опасались подвести своим появлением наших друзей. Связь поддерживали главным образом череа «почтовые ящики», устроенные под мостами, в дуплах деревьев.

В газетах, издаваемых оккупантами, усилился злобный вой на нас. Снова было напечатано обращение с предложением к «не потерявшим голову» партизанам выйти из леса и явиться в комендатуры. Было заявлено и о том,, что с партизанами в скором времени будет покончено.

Мы знали, что после разговоров и угроз фашисты приступят к действиям. Местное гитлеровское командование хорошо понимало, что разбитые на шоссе машины и другие диверсии — это лишь незначительная доля нашей работы. Гитлеровцы знали, что мы разведчики,. что мы следим за каждым их шагом в центре «котла» и добытые нами данные передаем советскому командованию. Это бесило гитлеровцев, и они решили во что бы то ни стало покончить с нами.

Как-то в эти дни поздно вечером в лагерь, прибежал Валюк. Он появился в палатке Капустина, и тот вскоре послал Володю Кондратьева за Зубровиным.

Не успели мы собраться в палатке Капустина, как вернулись с задания сразу две группы — Гомолов с Колтуновым и Леонид Петрович с Григорием Галабкой.

Отчет разведчиков был краток. Шоссе усиленно патрулируется. Движение оживленное, но местного характера.

Валюка прислал к нам отец с тем, чтобы предупредить, что в Кулдыгу прибыл батальон карателей, что не сегодня-завтра гитлеровцы совместно с полицейскими начнут прочесывать лес. Сообщив об этом, Капустин добавил:

— Уже сейчас мы окружены. Прошу вас, хлопцы, высказаться.

Мы склонились над картой. Лес, где расположен наш лагерь, зажат двумя шоссейнными дорогами. В десяти километрах на запад эти дороги сходились в Кулдыге. На восток от нас шла третья дорога через Кабиле. Она соединяла шоссе, образуя неправильный треугольник. Если вдоль шоссе лесной массив тянется на десять-двенадцать километров, то в ширину он не превышал шести километров. Количество солдат и полицейских, сосредоточенное в Кулдыге, достаточно для того, чтобы пройти сквозь лес на расстоянии друг от друга десяти-двадцати метров. Нам нужно перенести лагерь. Куда? На восток? Там стоят немецкие гарнизоны, аэродром. На юг? Нет подходящего лесного массива и много хуторов. Всего целесообразнее перейти шоссе по направлению к реке Абаве и там соединиться с «Красной стрелой».

Агеев показывает место, где можно перейти шоссе, и смотрит на Зубровина, тот отрицательно покачал головой.

— Поставь себя на место врагов, Алеша, — говорит он Агееву. — Ты бы наверняка решил, что партизаны будут пробиваться к лесам на Абаве. А раз так, то, я думаю, гитлеровцы уже позаботились о том, чтобы встретить нас при переходе шоссе. Это предположение подтврждается усиленным патрулированием дорог, о чем мы сейчас слышали.

— Значит, выхода нет? — осторожно спросил Колтунов. — Будем пробиваться с боем.

— Найдется выход, — хмуро протянул Тарас. — Нет такого положения, из которого нельзя выпутаться.

— В болоте пересидеть! — подал реплику Толстых.

— Там тебе жаба цыцки даст, — отклонил Капустин предложение Толстых. — Болото гитлеровцы обойдут, а мы, потеряв маневренность, не сможем дать отпора.

Зубровин молча обвел карандашом кружок возле одного из хуторов и, приподняв светлые брови, вопросительно посмотрел на Капустина. Капустин немного подумал, потом указал на хутор, расположенный ближе к дороге, и усмехнулся.

— Трудновато будет, Николай Абрамович, — сказал он, поняв мысль Зубровина, — но подумать об этом надо.

— Подумать? Не возражаю, — сказал Зубровин. — Ефим вон, — Зубровин показал глазами на вспыхнувшего Колтунова, — предложил пробиваться с боем, но принять бой — это значит выдать себя и не выполнить задачи, возложенной на нас командованием. Умереть, хотя бы и героически, если это нужно, дело не такое уж сложное. Но разве для этого нас послало сюда командование? Нам доверена ответственная работа в тылу врага. Мы — разведчики, помогаем командованию Советской Армии бить врага наверняка. Мы знаем, что любой из нас не дрогнет перед опасностью, — но не наше дело показывать храбрость в рукопашной схватке, если можем избежать этого и не рисковать. Мы не будем выходить из лесу. В болоте — не позиция. Саша прав. Там мы рискуем погибнуть не только от гитлеровцев, а и потому, что у нас нет госпиталя лечить простудные заболевания, а что они будут — это наверняка. Мы перейдем вот к этому хутору, — Зубровин показал на обведенный им кружок, — окопаемся в этом леске. Там, кстати, есть старое проволочное ограждение. Можно думать, что фашисты бросят основные силы на густой лес, вот сюда, где мы находимся сейчас, а в небольшой, редкий лесок около хутора — не заглянут. Надо учесть и такое обстоятельство: помимо численности врага — дух их солдат. Они не знают, сколько нас, и боятся нас. Каждый из них будет чувствовать себя так, словно идет сам на гибель. «Прочесчики», как правило, идут пьяными, а пьяным море по колено; поднимут крик, стрельбу. Это нам на руку. Если один или два; из цепи пройдут у нашей позиции, мы их аккуратно снимем.

Капустин первым одобрил план Зубровина. Рискованный на первый взгляд, при внимательном подходе этот план казался надежным. Мы рисковали, но риск оправдывался возможностью удержаться на своих позициях и успешно продолжать разведывательную работу в дальнейшем.

Скоро лагерь был на ногах. Мы скатывали палатки, разбирали по мешкам продовольствие, прятали все, что оставалось на месте стоянки.

Но вот раздалась автоматные и пулеметные очереди и эхо волна за волной покатило по лесу. Стрельба была у хуторов, где должны проходить наши разведчики — Петр Порфильев, Мартын, Юрий, Касьяненко и Саша Гайлис.

— Проводите Валюка, Казимир, — обратился Капустин к партизану и, наклонившись к парнишке, сказал: — Иди, Валюк. Дома скажешь своим, пусть не беспокоятся. Иди, дорогой.

— До свиданья, товарищи! — поклонился отряду Валюк. — Счастья вам, счастья.

— Счастливого пути, Валюк! — Казимир Большой и Валюк скрылись между соснами...

Что же произошло несколько минут назад у хутора, к которому подходили наши разведчики?..

Вокруг было тихо. Гайлису показалось, что около забора мелькнула тень. Саша остановился.

— Кто-то есть, — предупредил он Порфильева, но не успел закончить фразу, как тишину прорезала автоматная очередь. Разведчики бросились назад. Место вокруг открытое. С фланга, от соседнего дома, ударил пулемет, следом началась автоматная трескотня. Юрий упал без звука. Мартын застонал и опустился на землю... Он попытался поднять к плечу карабин, но тот выпал из рук. Мартын упал на спину. Он лежал, раскинув руки, точно орел крылья. Тяжело раненый Касьяненко, напрягая оставшиеся силы, поднес пистолет к виску.

— Саша, ползи к канаве! И мне уже не жить! — прокричал Порфильев, он разламывал телом лед замерзшей лужи.

Саша больше не мог стрелять: патроны к автомату вышли. Множество пуль долбили вокруг него твердую землю.

— Беги! Бумажки не найдут...

Это были последние слова Петра Порфильева... Непрерывный визг пуль заглушил их...

Саша Гайлис полз, прижимаясь к земле, вскакивал, бежал и падал, погружаясь в ледяную воду канавы. А фашисты стреляли и стреляли, выбрасывали осветительные ракеты, хотя луна сияла полным диском.

Вторая половина ночи. Цепочкой отряд идег на север.

Небо заволакивают облака, и мохнатые снежинки сыплются на плечи. Болью сжимается сердце.

— Эх... Вчера еще Порфильев звал меня остаться после войны в Латвии, колхоз хотел; создавать... Не пришлось. Убили гады!

Я оглянулся. Это сказал Агеев. Подобно» Саше Гайлису, он ушел от такой засады прошлой зимой.

— Успокойся, Алеша, — сказал я, видя, как, у Агеева, когда он говорил, нервно подергивались пересохшие губы.

— Нервы, Витя. Нервы.

— Выдержат ли они у тебя до конца войны?

— Выдержат! До самой гибели всех фашистов. Выдержат!

Агеев погрозился кулаком в сторону запада. Доносился гул моторов автомашин. Порой: раздавались выстрелы. Фашисты собираются таки осуществить обещание — уничтожить нас. И этот день по их плану должен был наступить сегодня... Утихает ветер. Кажется, что и лес насторожился, прислушивается.

Рядом идет Саша Гайлис, весь в грязи, с окрашенным кровью лицом. Он угрюм, идет, «пустив голову.

— Ничего, Саша, — успокаивает его Зубровин. — Завтра Новый год. Наш год! Выше голову, друже!

Новый год... Наш год...

А снег все падал и падал...

БОЕВЫЕ БУДНИ В «КОТЛЕ»

Весь день мы провели в редком лесочке за колючей проволокой.

Как и предполагал Зубровин, сюда «прочесчики» не заглянули. Слишком казалось безобидным местечко! С криками и стрельбой они прошли мимо, оставляя следы на свежем снегу.

К вечеру, когда все стихло, мы принялись за постройку шалашей.

Отряд продолжал боевую работу. Мы вели наблюдение за четырьмя гитлеровскими дивизиями, готовившимися к отправке в Германию. В то же время немцы начали укреплять побережье, перебросив туда одну дивизию. Должно быть, они опасались десанта наших войск. Доносившийся к нам издали грозный гул артиллерийской стрельбы возвещал о том, что советские войска наглухо закрыли курляндский «котел»; мы ждали момента, когда прижатые к морю гитлеровцы должны будут прекратить сопротивление и сложить оружие.

Когда к нам долетали вести с фронта, Зубровин говорил:

— Это бои местного значения, товарищи. Помните, как было под Ленинградом в конце сорок второго года. В Курземе нам придется еще посидеть.

И все же хотя решающих боев не было, по шоссе то и дело проходили санитарные машины, перевозившие раненых. Ранеными были заполнены госпитали, частные дома и даже помещения учреждений.

Гитлеровцы распускали слухи, что они не намерены уходить из Курземе, что отсюда, с этой земли, по приказу фюрера, они начнут новое, решающее наступление на восток.

Из тех данных, которые мы добывали, тоже было видно, что Гитлер не намерен эвакуировать в Германию находящиеся в Курляндии свои войска. Командующий курляндской группой генерал-полковник Шернер заявил, что Курляндия — плацдарм для нового движения вперед. Со слов «языков», которых мы захватывали, было известно, что весной гитлеровцы готовятся повторить попытку наступления.

Немецко-фашистским войскам, находившимся в Курляндии, не хватало продовольствия. Они ели конину, на хуторах забирали у крестьян хлеб до последнего зерна. На многих хуторах жили команды солдат, участвовали нападения и на партизан.

Находившиеся под Талей партизанские группы были разгромлены. Оставшиеся в живых талсинские партизаны вышли на Абаву и присоединились к «Красной стреле». В нашем лесу мы неоднократно захватывали подозрительных людей. Очевидно, декабрьская неудача с прочесыванием нашего леса не давала покоя карателям; они серьезно готовились к тому, чтобы уничтожить нас.

В ночь на 9 января гитлеровцы обстреляли из засады группу наших партизан. В этом бою убит Сорокин, который после гибели Порфильева был самым старшим по возрасту среди бойцов отряда.

Ян Залатис заметно изменился со времени ареста жены; теперь, после смерти Сорокина, Залатис стал еще более мрачным. С ненавистью и негодованием он говорил о Римане и не раз просил у

Капустина и Зубровина разрешения ликвидировать этого зверя. И если бы не железная партизанская дисциплина, Ян не вытерпел бы, — он попытался бы убить Римана один, на свой риск.

Тарас, Саша, Сережа — солдат с девичьим румянцем на щеках, Казимир Малый и я вечером вышли из лагеря. Нам предстояло побывать на хуторе у отца Гайлиса, встретиться с кинооператором «Тем самым» и «навестить» лесника, по доносу которого, как нам стало» доподлинно известно, была выслежена фашистами группа Порфильева. Одновременно с нами вышла группа Озолса, направлявшаяся за Абаву для связи с «Красной стрелой».

Перейдя шоссе, мы вышли к небольшому озерку и, держась в цепи окружавших его деревьев, направились вдоль берега.

— Вон у той березы я сиживал с удочкой, — вспомнил Саша Гайлис, показывая на склоненное к воде дерево. — Клевое место.

— Местечко приятное. Как у нас на Оке, — похвалил место Тарас. — Люблю я тоже с удочкой посидеть или с ружьем на уток...

— То-то и стреляешь ты метко!

— С мальчишек люблю охоту, — признался Тарас.

— А вот с той высотки на лыжах бы, — вздохнул Казимир. — Промчатся бы с крутизны.

— Этакая высота возле Ильменского озера здорово меня подвела, — вспомнил Сережа. — Возвращались мы с разведки в свой полк и влетели прямо в немецкие окопы. На меня тогда три беды сразу — лыжа сломалась, ногу вывихнул и в плен попал. А нога-то у меня уже раз была сломана.

— Когда? — спросил я.

— Давно, жил я тогда в детском доме в Ростове, было мне лет двенадцать.

— А почему ты, огурчик, об этом ни мне, ни Капустину не сказал? — набросился на него Тарас. — У тебя нога больная, а ты в резиновых сапогах!

— Ты рассуждаешь, Тарас, так, как будто у тебя дюжина сапог в запасе.

— Не дюжина, а первые трофейные сапоги твои. Понял?

Стало заметно светлее. Прошли мимо спящего хутора. Вокруг тихо. За полем начался лесок. Сломанная бурей ель перевалилась через просеку и, застряв вершиной на противоположных кустах, образовала своеобразную убранный снегом арку. Лес спит, спит и земля под ним, прикрытая снегом.

За лесом показался хутор Гайлиса. Отыскиваем условный знак. На веревке у дома нет белья, значит — вход свободный. Саша облегченно вздохнул.

— Порядок у батьки!

Наше появление было радостной неожиданностью для семьи. Мать целовала Сашу, суетилась, бегала вокруг него, точно не верила, что он вернулся.

— Жив, сын, жив! — хлопал сына по плечу старик Гайлис.

Выбежала разбуженная шумом Эмилия и повисла на шее у брата. Она была одета в легкое платье и по сравнению с Сашей казалась совсем маленькой. Оставив брата, она поздоровалась с нами, при этом глаза ее как-то особенно тепло улыбнулись Тарасу. Я знал, что они дружат.

Со стариком Гайлисом я встречался впервые. Он был сухощав, высок ростом, в залатанном свитре и деревянных башмаках. Он чем-то напоминал мне моего отца. Такая же фигура, скупость и резкость в движениях и так же, как у моего, стриженные машинкой волосы. В эти минуты я был рад за Сашу. Почему-то сейчас, при виде старого Гайлиса, мне вспоминалось, как, лежа в постели, мой больной отец подолгу беседовал со мной. Он говорил со мной, как со взрослым. Мы беседовали о стахановском движении на производстве, о боях в Испании. Отец заставил меня нарисовать карту Пиренейского полуострова и ежедневно отмечал линию фронта.

— Помочь им надо. Трудно им против Франко, Гитлера и Муссолини, — говорил он мне, словно я был в силах оказать помощь истекающей кровью героической республиканской Испании.

Отец Гайлиса хорошо говорил по-русски. Он служил в русской армии, участвовал в 1918 году в разгроме эсеровского мятежа в Москве.

Пока мы разговаривали, хозяйка накрыла стол, поставила путру и хлеб.

— Лудзу! [Пожалуйста (лат.)] Чем богаты, тем и рады. Тарас и Эмилия стояли около окна. Нам пора было уходить, а Тарас о чем-то горячо спорил с девушкой. Я подошел к ним.

— Это наш радист, Виктор, — показав на меня, сказал Тарас. — Он собирается писать о том, как мы живем в Курземе, да никак с мыслями не соберется.

— И обо мне напишите? — спросила Эмилия, обращаясь ко мне.

— Конечно, напишет, — ответил за меня Тарас. — О тебе обязательно.

— О, Петя, — застенчиво возразила девушка (она звала «Тараса» настоящим именем), — обо мне-

то и писать нечего.

За хутором группы расстались. Костя Озолс, Колтунов, Саша Гайлис, Казимир Большой пошли на север, наша группа — на северо-восток. Мы побывали на хуторе, где жила семья кинооператора. В дом зашел я один. Женщина, видимо, не узнав, встретила меня недоверчиво. Это меня не удивило: я был здесь в то время, когда мы одевались по-летнему, а теперь зима.

— Холодная зима стоит в Курземе, — сказал я, потирая озябшие руки.

— О, как в Сибири, — ответила она. — Вы редко у нас бываете, но теперь я узнаю. Зайдите в комнату! Муж дома..

«Тот самый» стоял у окна. Накинув на плечи пальто, он курил. Женщина оставила нас одних.

Он предложил мне сигарету, вышел ненадолго в другую комнату и, передавая мне толстый пакет, сказал:

— С Западного фронта прибывает сюда дивизия. Из Германии пришел транспорт с боеприпасами... Прибыли танки. Немцы распространяют слух, что весной они начнут наступление.

Как всегда, сведения «Того самого» имели для нас большую ценность. В пакете, который он передал мне, был план порта с отмеченными на нем военными объектами гитлеровцев и было также несколько фотографий... Фотографии — кадры из хроники, которая снималась в порту.

Прощаясь, он мне посоветовал обойти стороной соседний хутор.

— Какие-то незнакомые люди там появились, — сказал он. — Боюсь, что это агенты гестапо. Точно сказать пока не могу, но советую не рисковать.

Я поблагодарил его, и мы расстались.

От хутора кинооператора до жилища лесника — около двенадцати километров. Мы потеряли не меньше часа на то, чтобы обойти стороной хутор, о присутствии на котором подозрительных людей предупредил кинооператор. Пример гибели Порфильева был у нас свеж в памяти. Люди погибли и вместе с ними исчезли имевшиеся у них ценные разведывательные данные. При нас был пакет кинооператора с планом и фотографиями порта, сведения, переданные отцом Саши Гайлиса. Вскоре нам пришлось переправляться через неширокую, но быструю и довольно глубокую Абаву.

Хотя уже несколько дней стояли морозы, но лед на реке благодаря быстрому течению был тонок, на каждом шагу темнели полыньи. При переправе Сережа и Казимир провалились и промокли по пояс. На счастье неподалеку оказался хутор, где жил приятель Тараса. Там Сережа и Казимир немного просушили одежду. Тарас попросил приятеля дать нам напрокат лошадь с санками на несколько часов.

Мы помчались по проселочной, затем по лесной дороге. Около полуночи остановились в березняке. Отсюда до хутора, напрямик, не больше полкилометра.

Сидя в санках, мы порядочно замерзли и теперь со всем старанием принялись разгрести снег для будущего костра и собирать дрова. Казимир дал лошади сена. Общими усилиями мы раздули огонь, и ребята окончательно высушили одежду.

Тарас и Казимир, ходившие в разведку, сообщили, что на хуторе тихо; в доме темно, никаких подозрительных следов на снегу также не видно. Посоветовавшись, мы решили подождать утра. Как будет светать, подъехать к хутору, вызвать хозяина — лесника, мне и Казимиру задержать его, а Тарас и Сережа зайдут в дом; в случае, если найдут там посторонних лиц, обезвредят их.

— Лесник никогда не подумает, что к нему среди белого дня «гости» приедут, — сказал Тарас.

Мы переглянулись. Сережа выглядел совсем мальчиком. Его чистые, всегда румяные щеки, за которые Тарас называет его огурчиком, пылали как-то особенно.

Дождавшись рассвета, мы поехали к дому. Едва успели поравняться с оградой, залаяла собака. Мы насторожились.

— Никого...

Тронулись дальше. Снова собачий лай нарушил тишину. Открылась дверь. На крыльце показался лесник. Он осмотрелся. Заметив нас, он спустился вниз и пошел навстречу.

Сидевший впереди Казимир окликнул его по-латышски:

— Господин лесник, вашего сына и господина Римана вызывают в Кабиле...

— Сын отдыхает, а Римана у меня нет, — ответил лесник, останавливаясь, и, видимо, почувствовав что-то недоброе. — Вы откуда?

— Из Кабиле.

Казимир, продолжая разговаривать, не спеша подошел ближе к леснику и вдруг, коротким рывком выхватив из кармана куртки пистолет, направил его на лесника.

— Поднимите руки! Ни слова! Тарас и Сережа ринулись в дом.

Лесник в испуге кривил лицо и кусал губы.

В доме раздались глухие выстрелы.

— В погреб спрятался служака полиции... Еще и отстреливаться пытался. Вот и получил.

Вся волость знала предателей — лесника и его сына. Они помогли гитлеровцам уничтожить партизанские группы в районе Талей, по их доносам гитлеровцы и полиция арестовали и замучили много честных хуторян-крестьян; лесник же выдал Анну — жену Яна, благодаря его доносу погибли Порфильев со своими товарищами и Сорокин.

На этот раз судьба не улыбнулась предателям.

— Ну, что же ты скажешь теперь? — спросил лесника Тарас.

Тот беззвучно глотал воздух, точно пил его. Вдруг он упал на колени и стал молить о пощаде.

— Я не виноват... Пощадите! — лепетал он. — Я все вам отдам, все, что имею, только пощадите!

Лесник побежал в конюшню.

У самых яслей он наклонился, одним рывком поднял доску и вытащил из-под пола кожаный мешочек, наполненный чем-то тяжелым.

— Вот, — он взял его обеими руками и протянул Тарасу.

Много я прочитал в эти минуты на сморщенном, сухом лице лесника. Руки его дрожали, тело согнулось, точно придавленное тяжестью, и вздрагивало.

Изредка он с жадностью поглядывал на монеты. Ему, наверное, казалось, что он мог бы откупиться дешевле. Но лицо Тараса перекошилось, как от боли. Сжав зубы, он схватил горсть монет и с размаху бросил их в сморщенное лицо лесника.

— Ах ты, сволочь! Ты думал?! Жри, жри же свое золото!..

На развилке дорог мы расстались с лошадьёю..

— Хороша! — похлопал ее Казимир по шее. — Не давала о себе знать в лесу. Хороша!

— Дойдет сама, недалеко, — заверил Тарас. — Дорога знакомая, ведет прямо домой.

Мы тронулись в обратный путь.

Когда проходили Абаву, на юго-западе стояло зарево пожара и слышались взрывы со стороны Кулдыги. Там выполняли свою боевую задачу партизаны «Красной стрелы». Стрельба стихла, а зарево все еще долго стояло в небе.

Радостная весть облетела всех: «Войска Белорусских и Первого Украинского фронтов перешли в наступление».

Мы чувствовали себя так, как будто это случилось здесь, в Тукумсе, Лиенае или Салдусе,

— Теперь до Берлина не остановимся! — говорили партизаны.

— К коцу идет дело!..

Коядратьев достал карту и, сидя над нею, высчитывал расстояние до Берлина.

— Дождались. Скоро конец Гитлеру, — приговаривал он.

Мы стали мысленно жить с наступающими войсками, старались помогать им по мере наших сил.

На другой день после сообщения Совинформбюро о наступлении наших войск Павел Ершов, Колтунов, Залатис и Казимир Большой привели «языка» — танкиста-лейтенанта из 12-й танковой дивизии фашистов. Они захватили его спящим на хуторе, неподалеку от места, где находился танковый взвод гитлеровцев.

— Девушек явился искать. А хозяин напоил его, и лейтенант завалился спать, — рассказывал Колтунов. — Подходим к нему, будим: «Вставай, мол, русские пришли». Он как встрепенется. Мигом хмель вылетел. Тянется за пистолетом, а мы уже пистолет к рукам прибрали...

«Язык» сообщил нам много полезных сведений.

Сбылась мечта Сережи. Ему перед строем вручили трофейный пулемет. Отряд выстроился. Сергей и моряк Коржан, чеканя шаг, вышли из строя и остановились перед командиром.

— Стреляйте на славу, хлопцы! — сказал Капустин, передавая пулемет первому номеру.

— Служим Советскому Союзу, — ответили бойцы.

— Мы будем, — взволнованно заявил Сережа, — стрелять из немецкого пулемета в фашистов и в их холопов до тех пор, пока все они не лягут на нашей земле.

Пулеметчики возвратились обратно в строй. Капустин прошел по фронту выстроившегося отряда. Каждый, наблюдая за взглядом Капустина, невольно осматривал себя и товарищей. И сейчас как-то особенно бросался в глаза наш неприглядный вид. У многих рваная обувь, латаная одежда, но мы были бодры и высоко держали свои головы.

— Воюем, значит, хлопцы? — начал Капустин.

— Воюем! — хором ответили партизаны.

— Тяжеловато приходится? — продолжал Капустин, задержавшись взглядом на Григории Галабке.

— Есть немного, — ответил тот.

— А будет больше, — сказал Капустин серьезно. — Тяжелее будет. Хотим мы или нет, а придется выдержать натиск карателей, стремящихся нас уничтожить. Мы многому научились в Курземе, научились не опускать головы перед трудностями и, может быть, должны будем выдержать тяжелое испытание. Мой долг напомнить вам об этом.

Капустин передохнул. Ветер шумиул по ветвям деревьев, сбивая с них снег. Хлопья снега, рассыпаясь, падали на головы партизан. Но никто не шевельнулся. Все взоры были устремлены на командира.

— Враг силен, товарищи, — снова начал Капустин. — Превосходство его в количественном и техническом отношении, по сравнению с нашим отрядом, нельзя даже определить. Это надо всегда помнить. Что же делать? Может быть, выйти из леса, как это предлагают нам враги? Этому они не дождутся. Мы будем стоять на посту. Нет такого положения, из которого большевики не нашли бы выхода. Мы будем действовать умело, смотреть вперед и — побеждать. А в слове «вперед» многое сказано. Если каждый из нас будет носить это слово в сердце, как материнское благословение, то мы с честью пройдем путь до победы. Да я и представить не могу, как можно, нам, людям, рожденным и выросшим в новое время — в советскую эпоху, как можно нам впасть в уныние, опустить голову в трудные минуты тяжелых испытаний! Не будет этого никогда!.. А хорошо все-таки после победы смотреть в глаза своим матерям, отцам своим прямо, с чистой совестью, с гордостью, что ты сын, настоящий сын своей великой Советской Родины!.. Так я сказал, товарищи?

— Правильно, Сашок!

— Выдержим, переборем все, что предстоит.

— Так куда надо смотреть, Казимир?

— Вперед, товарищ командир! Мы идем в бой за нашу любимую Родину. Нашей силы фашистам не одолеть!

Через день после торжественного вручения пулемета Сергей и Коржан со своим новым оружием решили исход боя с фашистской засадой на Грауздупских хуторах.

Было так. Колтунов и двое новичков — Андрей и Федор Куйбышевский — направлялись на дальний хутор. По дороге они надумали заглянуть к деду Галабке. Но только перебрались через шоссе, как из ближних кустарников их обстреляли. Группа залегла. Фашисты выбросили осветительные ракеты и продолжали обстрел. У Колтунова пуля пробила шапку, Федора ранило в ногу. Все пути отхода были отрезаны. И вдруг с высоты, поднимающейся неподалеку от хутора Галабки, ударил пулемет. Он бил по опушке кустарника, где засели фашисты. Вражеская засада умолкла. Колтунов и Андрей, под прикрытием пулеметного огня, не теряя времени, подползли к лесу. Они вышли сами и вынесли раненого Федора.

В лесу им встретился Капустин. Тот был с группой бойцов, ходивших дублировать движения групп, ушедших на связь. Вместе с Капустиным были Сергей и Коржан. Это они со своим пулеметом пришли на помощь Колтунову и новичкам.

Утром, по указанию Капустина, дед Галабка ходил к коменданту докладывать, что к нему приходили партизаны. По той же дороге гитлеровцы увезли подобранных в кустарнике убитых солдат из тех, что были в засаде.

В начале февраля мы перенесли лагерь в густой еловый лес и вместо шалашей, в которых мы страдали от холода, поселились в только что выстроенных землянках.

«ТЫ ЛЕНИНГРАД ПОМНИШЬ?»

Седьмого февраля 1945 года, в час дня, на третий день перехода на новое место, я, разбросав антенны, присел на спиленное дерево и начал обычную работу. Но едва на свой вызов принял ответ Большой земли, как в лагерь прибежал запыхавшийся Казимир Большой.

— В ружье! В лесу гитлеровцы!

Через несколько минут все были на ногах.

— По местам! На оборону! — подал команду Капустин.

Лагерь опустел. Там остались раненые да повар Михаил, который с автоматом в руках ходил около костра с висящим над огнем котлом.

Ударил пулемет. Это Сережа и Коржан били вдоль просеки. Несколько фашистов, пытавшихся перейти просеку, упали.

Тарас, дважды легко раненый, крикнул:

— За мной! Покажем гадам!

Перебегая от дерева к дереву, его бойцы оттесняли фашистов под огонь Сережи и Коржана.

Бой не затихал. Гитлеровцы, во много раз превосходившие своими силами партизан, не наступали. Они залегли, обстреливая нас разрывными пулями из винтовок и автоматными очередями. Партизаны отвечали на огонь. Я слышу неподалеку голос Коржана:

— Нажми, Сережа, по леску. Вот так. — Коржан корректировал стрельбу друга.

— Ура-а! — вдруг раздалось на правом крыле.

Это не выдержало горячее сердце Кости Толстых.

Враги немного отхлынули.

— По березняку, Сережа, — раздается голос Коржана. — Еще... Сережа! Сережа, что же ты?..

Пулемет молчал. Сережа, опустив на него окровавленную голову, был неподвижен. Коржан, оторвав от пулемета пальцы друга, бережно отнес его в сторону и, уложив на снегу, подложил под голову его свою шапку.

Пулемет снова заговорил — это стрелял Коржан.

Ударяясь о ветки, хлопали разрывные пули.

Враги возобновили атаку.

— Хох... хох... — несло из лесу. Небольшой группе гитлеровцев удалось прорваться в лагерь. Казалось, еще минута — и произойдет что-то страшное.

— Ты Ленинград знаешь? — крикнул Колтунов.

— Помним! — отозвались рядом.

Фашисты, прорвавшись сквозь огонь пулемета Коржана, бежали от просеки прямо на нас. Они совсем близко, рядом.

Я не могу передать чувств, которые охватили меня в эту минуту. То, что переживал я, мне кажется, переживали и Колтунов, и Капустин, и Агеев, и все...

Я стреляю в упор. Ни на секунду не мелькнуло мысли об опасности. Впереди, на снегу, я вижу закутанные в маскировочные халаты неподвижные туши гитлеровцев. Эти больше не воюют, но живые...

— Вперед! За Родину! — слышу голос Капустина.

— Вперед!

— Ура! Товарищи! — подхватил Зубровин.

И случилось неожиданное для врагов. Четыре десятка автоматов и винтовок, два пулемета дружно ударили по врагу. Окрыленные внезапным «ура», мы ринулись вперед. Горстка партизан, лежавших в обороне, теперь, в минуту, когда весь лес дрожал от трескотни и гранатных взрывов, казалась грозной и непобедимой силой, способной смести врага. И... не выдержали «прочесчики»! Дрогнули, побежали,, бросая оружие.

Пятнадцать часов. Вот и бою конец.

Выстояли...

Вечером хоронили убитых. Я смотрю на лицо-Сергея. Оно всегда было чистое, румяное, юношески прекрасное. Теперь лицо Сергея осунувшееся, бледное, с пятнами засохшей крови.

Тяжело расставаться с товарищем, с которым сутками мокли в болотах, с которым делили последнюю корку хлеба, курили одну цыгарку, с которым, плечо к плечу, исходили сотни километров по вражьему тылу, чья жизнь знакома так, как своя. Больно и тяжело простаться с другом.

— Мы никогда не забудем тебя, наш дорогой Сережа! — говорит последнее слово Капустин. — Мы отомстим за тебя, за всех наших: людей. Враги почувствуют нашу силу, мы отомстим. Прощайте, боевые товарищи! Вечная вам слава!

Капустин замолчал, наклонился, поднял горсть свежей земли и бросил ее в могилу.

Мы решили ночью покинуть этот район и уйти за реку Абаву.

Выступила разведка, а за ней двинулся весь отряд.

В тот же вечер на хуторах появились бежавшие из лесу после боя с нами гитлеровцы и полицейские.

— Поймали партизан? — спрашивали крестьяне.

— А «катюша» не была?

Полицейские отмалчивались или грозили, что завтра с партизанами будет покончено.

Риман, организатор похода на партизан, был ранен. В своих сводках враги увеличили наш отряд до шестисот человек. Фашистское командование отдало распоряжение всем мелким вооруженным группам сняться с хуторов и занять оборону вокруг Ренды. Разнесся слух, что ночью партизаны начнут наступление на волостные пункты. До утра не прекращались телефонные звонки. Коменданты местечек звонили в Кулдыгу, требуя помощи.

Всю ночь, каждые десять минут, взлетали вверх осветительные ракеты.

Отряд приближался к шоссе. Позади — повозка с ранеными. Дорога неровная, то и дело попадались колдобины, корни деревьев. Толчки причиняли раненым неимоверную боль. Но сделать что-нибудь, облегчить страдания товарищей мы не могли.

Шедшая впереди в разведке группа Тараса была у самого переезда. Вдруг от стоявшего неподалеку хутора, из-за сложенных штабелем дров, донеслось:

— Хальт!

Тарас, не отвечая, ударил на окрик из своего ППШ. Началась перестрелка; заговорил пулемет Коржана.

Наткнулись мы на вражеское войсковое подразделение. Внезапный огонь наших разведчиков безжалостно сек гитлеровцев минуты полторы-две. Тем временем, поддерживая раненых,, мы отошли в лес. Лошадь с санями пришлось оставить.

— Сашок, всыпать бы гадам! — просили партизаны.

— Нет, ребята, мы уходим. Путь далек, а у нас раненые, — возражал Капустин, не разрешая задерживаться.

Из ветвей, плащ-палаток и кольев соорудили носилки для тех, кто не в силах идти сам. Раненный в ногу Федор Куйбышевский ковыляет около меня.

— Ты меня не оставишь, Виктор, ежели что? — спрашивает он.

— Не оставлю. А ты крепись, опирайся на меня, — говорю я.

— Я ничего... Ноге больно. Встретилась небольшая речушка. Ее надо переходить вброд. Федор остановился, посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Держись за меня, — подставляю ему спину. — Перенесу.

— Так тебе же тяжело.

— Держись! Разберемся после, кому тяжело.. Снова километры и километры. Идем, подбадривая друг друга:

— Скоро Абава.

— А ты, Федор, не тужи. Еще выпьем после войны. Вот с Виктором в гости к тебе на Волгу

приедем! — говорил Кондратьев.
— Эх, было бы так! Было бы...
— Будет так, Федор! Будет!

В ПОХОДАХ

После шестнадцатичасового марша мы прибыли в лагерь отряда «Красная стрела».

Хуторов в этом районе меньше, и они контролировались партизанами. На север от лагеря простирались болота и озеро Усмас, с юга — высокие, крутые берега Абавы. Неподалеку от лагеря Абава впадает в реку Венту. Здесь не было ни шоссейных, ни улучшенных дорог, которыми богата Курземе и вся Латвия. Участок площадью около сорока квадратных километров был настоящей партизанской зоной, поэтому и лагерная жизнь «Красной стрелы» кое-чем напоминала обычный партизанский лагерь псковских, смоленских или брянских лесов.

Бойцы отряда размещались в шалашах, похожих на юрты с открытым верхом для ВЫХОДЕ дыма. Так как стены шалашей складывались из веток, то единственным спасением от холода были костры. Их жгли и днем и ночью. Был в отряде десяток лошадей с санями и упряжью. Многие бойцы и весь командный состав носили на шапках красные ленточки. Командирами взводов и отделений были люди, не раз отличившиеся в боях. В отряде было три стрелковых взвода, один пулеметный и взвод разведки.

Поговорив с командиром отряда Столбиковым, заменившим погибшего в бою Семенова, Зубровин и Капустин пошли в лазарет. Это был единственный партизанский лазарет в Курземе. Здесь был врач, латыш. Наши раненые могли, наконец, лечиться.

Шалаш лазарета мало чем отличался от других жилищ отряда. Был он только побольше размером и «отапливался» тремя кострами. Кроме наших раненых, в нем лежало еще двенадцать человек. Вместо кроватей служили положенные, как сено, еловые ветки. Санитарками в лазарете работали Нюра и Клава, с которыми осенью познакомился Тарас на хуторе.

В лазарете, когда мы пришли туда, я увидел радистку Зину Якушину. Она сидела возле раненого. Рука его была обмотана лоскутьями парашюта. Зина заметно похудела со времени нашей первой встречи на «аэродроме».

На мое приветствие она ответила кивком головы и предложила присесть. Обменявшись с ней несколькими фразами, я отошел к своим ребятам.

— Вы придете за мной, Николай Абрамович? — спрашивал Федор Зубровина.

— Придем. Сходим на недельку-две в Талей и в Сабиле, а на обратном пути зайдем сюда и заберем.

— К тому времени я поправлюсь.

Мы передали доктору, пожилому латышу в очках, бывшие у нас бинты и два парашюта.

— Тяжело работать, — пожаловался доктор. — Операцию сделать почти невозможно — нет инструментов, бинтов не хватает. Очень тяжело. А лечить людей надо.

Доктор готовился к операции; нужно было извлечь осколки у раненого партизана. И сам доктор выглядел тоже больным — лицо желтое, щеки запали.

После только что проделанного нами тяжелого марша мы уснули крепким сном, расположившись у костров и засунув руки в рукава курток.

Проспали весь день. Вечером наши хозяева угощали нас блинами, только что испеченными на костре.

Утром пришли Ершов и Озол. Они рассказали, что в оставленном нами лагере подорвались два гитлеровца. Один схватил заминированную свиную голову, другому оторвало руки, когда он брал «забытое» пальто Капустина.

С самого утра Агеев подшучивал над Колтуновым, вспоминая, как тот «ухаживал» за Зиной Якушиной, когда она отправлялась в «Красную стрелу».

— Ну как, жених, — влюбил в себя Зину? Не вижу, чтобы тобой больно интересовались.

— Был бы в «Стреле», влюбил бы, — отстаивал свои позиции «курляндский дон Жуан».

— Эх, Ефим, Ефим, — вмешался в разговор Тарас. — Воспитала тебя эстонская буржуазия хвастуном. Да разве Зина может тебя любить! Погляди, кого она выбрала, — серьезного, скромного парня и полюбила. Он без руки лежит, а она все свое свободное время ни на минуту не отходит от него. А счастье-то еще далеко.

— Она верит в счастье.

— Что вы мне лекции читаете, — притворяясь, что он сердится, говорит Колтунов. —

Пусть будет парень счастливым. С такой женой, как Зина, не пропадет.

— Оказывается, лекции-то тебе полезны! — заключил Тарас улыбаясь.

Десятого февраля мы выступили из «Красной стрелы» и вот уже две недели рейдируем между Талей, Вентспилсом и Кулдыгой. Фашисты заблокировали все хутора, стремясь заморить нас голодом. За это время мы получили и передали командованию ценные данные о предполагаемом отводе некоторых немецких дивизий в Германию. Гитлер отзывает эти дивизии для усиления обороны глазного логова фашистского зверя.

...Ночь. Колонна остановилась.

— Можно садиться. С места не сходить. У кого есть табак — курить, — тихо передали по цепи.

Утомленные тяжелой ходьбой, мы расположились на снегу.

С табаком у нас плохо. Достается по две затяжки на брата — не больше.

— Володя, разреши мне еще затяжечку, — просит Саша Гайлис, держа в пальцах драгоценную цыгарку.

— Э, браток, не выйдет! Ты уже затянулся три раза, — не соглашался Кондратьев. — Виктору еще надо оставить, он распух без курева.

Рядом топает, стуча ногой о ногу, Коржан. Он вытряхивает из сапог снег. У Коржана, как и у многих, рваная обувь.

— Что, Коржан, морскую пляшешь?

— Запляшешь и морскую, — говорит он. — Как идешь — ничего, а остановился — ноги стынут.

К нам подошел Тарас.

— Виктор, — обратился он ко мне. — Зубровин разрешил. Пойдем на хутор, может, узнаем что хорошее и душу согреем.

Пошли Тарас, Коржан и я.

В комнате, куда мы вошли, горели свечи. У стола, за шитьем, сидели две женщины.

Хозяин дома — высокий, бритый, с длинной шеей и тонким сухим лицом, с трубкой в зубах — с недоумением, глядя на нас, сказал:

— Вы советские... Но как вы оказались здесь? На соседнем хуторе гитлеровцы... С пулеметом. Днем еще приехали...

— Знаем об этом, — сказал Тарас.

— Я-то их, чертей, не боюсь, — продолжал крестьянин, выбив трубку. — Даже если они и узнают, что вы были у меня... Но все-таки — странно. Садитесь!

— Вы хорошо говорите по-русски, — заметил я.

— Я служил в русской армии, в гренадерском полку. В прошлую войну с немцами воевал.

— Вот как...

— Как вы только живете в лесу в такие морозы? — проговорила одна из женщин. На глазах у нее блестели слезы.

— Живем... Прогоним фашистов из Курземе, тогда отогреемся, — усмехаясь, ответил Тарас.

— Трудно... Говорят, только у нас они и остались.

Она помолчала, словно припоминая что-то. Несколько слезинок скатилось по ее изрезанным морщинами щекам. И вдруг, встрепенувшись, она улынулась.

— Да что же я стою. Ведь вы кушать хотите. А у меня путра готова.

Она засуетилась около плиты, хозяин принес хлеб.

— Кушайте, — сказала хозяйка, ставя на стол миску горячей путры. — И у нас-то на хуторах все подобрали разбойники. Когда им погибель придет!

— Будет час, придет, скоро разгромим фашистов! — ответил Тарас, прихлебывая из миски. — Сейчас Советская Армия наступает, где важнее, — в Германии.

Коржан, разговаривавший с другой женщиной, громко рассмеялся. — Чему ты? — спросил я.

— Гражданка спрашивает, надо ли бояться большевиков? Напугали их фашисты. А я вот большевик, — добавил он. — Разве честным людям надо меня бояться?

— Когда мы свергли буржуазию, большевики земли мне добавили, — сказал хозяин, набивая свою трубку. — Было у меня три, а стало десять десятин. Соседу — он старый и бедный человек — книжечку дали, чтобы мог он деньги получать не работая.

— Это пенсия. В Советском Союзе все старики получают помощь, — сказал я.

— Я знаю, — ответил крестьянин. — Пришли немцы — землю у меня урезали, а соседу, если бы не моя помощь, хоть в гроб ложись. При Советской власти я так работал, что моя фамилия в волости

на почетную доску была занесена. Едешь с женой и самому приятно, как там выведено: что я взялся посеять столько-то и все выполнил и сдал полностью государству.

— Вот пошел хвастать, — перебила хозяйка.

— Молчи, Айна. Не мешай говорить. Я еще

фашиста прихлопну. Пусть только снег спадет или русские наступление начнут.

— О, господи! — вскрикнула жена. — Куда тебе, старый! Ты же воды не принесешь, не отдохнув пять раз.

— Помолчи, говорю! Не мешайся в наши солдатские дела.

Когда мы уходили, хозяйка подала нам две булки хлеба. Крестьянин сообщил, что он в прошлую войну был награжден «Георгием».

— Вы — большевики, а большевики, как я уже заметил, никогда не падают духом. Тяжело было России в сорок первом году, а Сталин не ушел из Москвы, даже парад принял. Большевистская партия спасла Россию от такой страшной силы, как гитлеровская армия.

— А вы, оказывается, в политике разбираетесь! — заметил Тарас.

— Как же, — улыбнулся старик. — Я Москву по радио слушаю. — У меня и портреты есть Ленина и Сталина. Берегу...

Снова в пути. Проходят часы, долгие, томительные, с кашлем в шапку, со взведенными автоматами.

— Володя!

— А?

— Что бы ты сейчас хотел?

— Я бы хотел, — выразил желание Коржан, — в бане помыться, а после проспать на койке, в тепле.

— Много ты хочешь, друг, — возразил я.

— А я бы хотел, чтобы поскорее быть в лесу, разжечь костер и уснуть возле него, — сказал Кондратьев.

— Вот это реальное желание, Володя. Этого и я хочу, — согласился я.

— Наверное, весь отряд об этом думает... — но Кондратьев не договорил. Впереди послышался оклик:

— Стой!

Молчание.

— Кто идет?

— Я... я... — слышится женский испуганный голос. — Беженка я.

Подходим. На дороге стоят женщина и мальчик. У нее худое, измученное лицо; рваное легкое пальто плохо защищает от холода, на ногах деревянные башмаки. В оборванной одежде и мальчик.

— Не бойся, мать, мы партизаны.

— А... А я Васильевна, Евдокия Васильевна. Из Орловской области пригнали немцы, а деревню сожгли. Ноги с голоду пухнут. С Федей я убежала из лагеря, из-под Виндавы. Все одно помирать, так уж хоть не за проволокой...

— А я Федя Максимов, — сказал мальчик.

— А отец твой где, Федя? — наклонился к нему Агеев.

— Отец? Отец на русской стороне, в Советской Армии. Мама не дождалась его... Умерла... А я ушел с бабушкой.

— Вот вам, Евдокия Васильевна, хлеб, мясо. Только понемножку кушайте, чтобы плохо не получилось. — Капустин подал женщине булки, которыми нас снабдили на хуторе.

— Ну, что же вам еще дать?

— Вот носки, Федя, тебе теплые, — подал Гомолов.

Посоветовавшись с Тарасом, который хорошо знал жителей в этом районе, мы направили Федю и Васильевну на хутор.

— Спасибо вам, соколики! — кланялась женщина. — Спасибо! Гоните проклятых поскорее.

Наконец, мы в лесу, разожгли костер, наложили вокруг него веток.

Ложимся спать. Дежурные, жмуря глаза, подкладывают хворост, следят за спящими, чтобы не загорелась одежда.

— Володя, ты же горишь, подымайся! — сквозь сон слышу голос.

Володя вскакивает, забивает снегом тлеющие брюки и вот уже снова спит, точно его и не будили.

Прошуршал ветер, но и он скоро притаился и задремал в окружавшей нас темной зелени елок.

Двадцать третьего февраля выдался солнечный день. Деревья осыпали со своих ветвей хлопья снега, от пригретых солнцем бугорков валил пар. Веселей засвистали синички. Мороз разжимал свои могучие руки.

Скоро весна. Еще месяц или того меньше, и солнце заиграет ярче, а зима будет отступать, цепляясь за холодные ночные заморозки.

Ну как не помыться до пояса в такое утро, в такой день? И я, и Владимир Кондратьев приняли от своих фронтов поздравительные телеграммы в честь 27-й годовщины Советской Армии. Командование сообщило, что сведения, переданные нами за последнее время, «заслуживали внимания».

— А нам других, лучше этих, и не надо похвал, — говорит Агеев.

В это утро все вымылись, побрились по-праздничному.

— Тебя не узнать, Виктор, будто в кино собрался, — сказал мне Колтунов, приглаживая свою светло русую шевелюру.

— В кино? Да я уж не помню, когда был¹ там!

— А сейчас, наверное, много есть хороших фильмов о партизанах, — предположил Толстых.

— Конечно, есть, но только о больших партизанских отрядах, — пояснил Кондратьев.

— А про такой отряд, как наш, есть? — спросил Толстых.

— Нет.

— Почему? Разве мы хуже других? Я сам в Белоруссии и в Себежском районе партизанил. Там было легче, там были тысячи нас, а здесь «котел», в нем огромная масса вражеских войск. Попробуй, разгонись. Жаль, что не я этими фильмами ведаю, а то навел бы порядок.

— Тебе хочется, чтобы твою физиономию на экране увидели?

Партизаны смеялись.

— А ты, Гриша, хочешь сниматься? — спросил Тарас улыбавшегося в рыжую бороду Гришу Галабку.

Но тот молчал, лишь хитро-хитро щурил глаза.

— Отец, скажи хоть слово! — попросил Кондратьев.

Отцом прозвали Гришу за бороду и усы, а ему всего двадцать четыре года.

Будучи мастером на все руки, он носил с собой топор, пилу, котелок, ведро, мешочек с инструментами. Галабка был неутомим. Не спеша, он первым взбирался на высоты, проходил болота. А когда удавалось зайти домой, к молодой жене, Гриша готов был исколесить несколько раз вдоль и поперек всю Курземе.

Я отошел с Тарасом в сторону, к поваленной ветром сосне.

На оттаявших от снега кочках зеленел мох, тихо журчал ручей.

— Скоро все оживет, зацветет, — мечтательно проговорил Тарас. — А как привыкли мы к лесу! Не верится, что когда-нибудь оставим его, что разъедемся по разным областям и краям, — может быть, не встретимся больше.

— Если не встретимся, то письма писать будем.

— Да. Я тебе, Виктор, на память о сегодняшнем дне годовщины Советской Армии, который мы вместе встретили в Курземе, часы подарю, — сказал Тарас и, достав часы, протянул мне. — Носи и вспоминай Петра Трифонова. Часы наши, советские, завода имени Кирова.

— Спасибо, Петя! Буду вспоминать. Я не знаю, как буду жить, но если у меня будет сын, я назову его твоим именем — Петром.

— А я своего — твоим именем назову, — Тарас взял мою руку и крепко пожал.

Вечером, когда высоко в чистом небе стоял месяц, а мороз наверстывал упущенное днем, в далекой Москве, во всех столицах союзных республик и городах-героях гремел салют. А мы ночью ушли на северо-запад, к железной дороге Тукумс — Венстпилс.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ

За последние пять дней мы два раза договаривались с фронтом о том, чтобы нам прислали груз, и два раза срочной телеграммой я просил задержаться с отправкой до следующего сигнала.

Фашисты не давали нам суток побыть на одном месте. А груз нужен, как воздух. Патроны для отечественного оружия были на исходе — осталось по десять штук на автомат.

Двадцать седьмого февраля, утром, Леонид Петрович, Григорий Галабка и Казимир Малый отправились на Ренду, на старые места наших стоянок, чтобы взять патроны, закопанные в землю

еще осенью.

Этой же ночью Тарас пришел из разведки раньше, чем предполагалось. Возвращения его мы ожидали с нетерпением. С вечера недалеко гремели выстрелы.

На расспросы он отвечал односложно: «Ничего, мол, особенного не произошло», но в командирской палатке Тарас сообщил более важную весть: из-под Тукумса прибыл полк гитлеровцев и совместно с карательным отрядом СД и полицией заблокировал лес, в котором мы находились.

Капустин собрал командиров на совещание. Решили до рассвета выйти на юг, к Абаве.

Выступили немедленно.

С полевой сумкой, биноклем и автоматом идет впереди командир разведки — Тарас со своими бойцами. Веселый предвесенний месяц сиял на безоблачном небе, поскрипывал снег. Обходим стороной хутор из опасения засады. Вдали хлопнула зенитка, вторая.

В небе послышался шум. Самолет.

— К нам, наверное, летит, братцы, — печально вздыхает Зубровин.

Самолет близко. Он хорошо виден. Узнаем — наш.

— Близок локоть, да не укусишь!

— Нас ищет.

С болью в сердце мы провожаем взглядом улетающий самолет. Мы не могли зажечь костры, не могли ему дать знать, где находимся.

Снова хутор. Оттуда фашисты открыли беспорядочную стрельбу по нашей разведке.

Мы в кольце. Нужно до света во что бы то ни стало выскользнуть из окружения.

Сделали круг, чтобы спутать следы и остановились в роще недалеко от построек. Передохнув, тронулись вперед разведчики.

— Хальт!

Одновременно гитлеровцы ударили из пулемета. Взметнулись ракеты, осветив и без того светлое небо. Мы залегли.

Пулеметы и автоматы врагов не умолкают. Новые вспышки ракет осветили все вокруг.

А мы почти молчали. Отвечал лишь пулемет Коржана и трофейные автоматы.

Капустин, хмуря брови, твердил Коржану:

— Береги патроны. Бить только по цели. Из ушедшей вперед группы Тараса ползком добрался к отряду Казимир Большой.

— Что там?

— Живой один Тарас. — Он в пятнадцати шагах от них, — с трудом выговаривает слова Казимир. Послал меня... — он не договорил: изо рта хлынула кровь.

— Мы поползем за Тарасом, — вызвались Ершов и Толстых и, не ожидая разрешения, тронулись вперед.

— Назад! — крикнул Капустин.

Я никогда до этого момента не видел у него такого отчаянного выражения лица.

— Назад! — повторил он.

А впереди стреляли и стреляли.

...Тарас еще жил. Фашисты приближались к нему.

Что мог он сделать — раненый, с пробитой грудью, истекающий кровью?

Но глаза еще блестят, сердце стучит, живет и хочет жить.

Сколько раз смотрела смерть в ясные очи Тараса и, не выдержав его упрямого взгляда, — отступала. Он жил и смело шагал своей партизанской дорогой.

А сейчас он сам зовет смерть. Вот он стиснул в руке холодную гранату. Сколько перебросал он их на фашистов! Нет. Не таков Тарас, чтобы отдаться живым. Он разогнул зубами усики кольца и рванул его к себе.

...Не думал я, мой дорогой Петро, начиная записки, так закончить рассказ о тебе. Но ты бессмертен для меня, для моих друзей, мой боевой товарищ. Пройдет время, может, я буду жив, у меня будет сын — я назову его твоим именем. А такое время придет. Не раз еще земля обнажится от снега, зашумит и запоет весною лес, покроются зеленью поля, зарастут травой воронки, вырытые войной, и ветер будет гулять над могилами героев, павших в боях с фашистскими захватчиками. И далеко от Москвы и Ленинграда будет одна могила у самого леса, в пятнадцати километрах от Кулдыги, возле шелестящей прозрачной листвой березы. Люди, проходящие мимо, будут снимать шапки и говорить:

— Здесь похоронен советский партизан Петр

Трифонов, погибший в бою с фашистами в последний день февраля месяца сорок пятого года.

Мы уныло шли лесом, поддерживая раненых товарищей. Скользят ноги и проваливаются в глубокий снег.

— Почему я не подорвался, как Тарас? Приполз... Зачем вы меня несете? Кому я теперь нужен, — не в силах забыть друга, говорит Казимир Большой.

— Молчи! Еще жить будем... Выше голову! Раненый узнал голос, пошевелил губами.

— Жить... О, нет, Сашок! Я уже не жилец.

— Лежи и не болтай чепухи! — Воды...

Принесли из ручья воды, напоили раненого.

— Сухаря, может, хочешь?

— Нет.

Раненому соорудили носилки из плащ-палатки. Пока отдыхали, Капустин сидел на пне без шапки, немного подалее его — Павел Ершов. Тот тяжело переживал потерю нареченного брата. Лицо его помрачнело.

Я подошел к нему. Он впервые посмотрел мне прямо в глаза. На левом глазу его, на веке, повисла ниточка от шапки, но почему-то не мешала ему смотреть.

Я все понял. Так вот почему Павел всегда прятал глаза!

Я смахнул ниточку с его века. — Ты не скажешь никому об этом? — взяв меня за плечи, спросил он. — Не скажешь, Виктор?

— Никому не скажу, — ответил я. — Но если буду говорить об этом, то тогда назову тебя другим именем.

Разве можно осуждать Павла? Он настоящий советский парень. Он рвался в тыл врага, рвался бороться с фашистами и поэтому скрыл, что у него нет глаза.

Глаз Павел потерял, когда ему было девять лет. Виной был камешек, вылетевший из-под копыта лошади. Врачи подобрали мальчику искусственный глаз с такой расцветкой, что почти невозможно было отличить его от природного глаза. Павел усвоил привычку при разговоре с людьми суживать глаза, — так что не знавшие о его недостатке и не подозревали ни о чем. Когда началась война, Павел пошел в партизаны. Он твердо решил скрывать во что бы то ни стало, что у него искусственный глаз, — скрывать от командования, от партизан: он опасался, что его не будут посылать на ответственные

задания.

В 1942 году вместе с Тарасом Ершов встретился с Капустиным, командиром группы парашютистов. Но после выхода в советский тыл, перед новым боевым заданием, парашютисты должны были пройти медицинскую комиссию. В этот день Ершов исчез из дома, где жили капустинцы. Его не могли найти до позднего вечера. Свое исчезновение он объяснил Капустину тем, что был весь день на реке с девушкой и забыл о медицинской комиссии. И на следующий день Ершов не пошел в санчасть. «-Да разве до санчасти, когда нам осталось гулять на советской стороне фронта только три дня. Пусть они лечат, кого надо, а я, как конь, здоров», — так ответил Павел на вопрос Капустина. ИК радости Павла вылет не отложили, и Павел скрылся от надоедливых медиков.

СУД НАД РИМАНОМ

Мы сидели в землянке и ждали возвращения группы Ершова, ушедшей в разведку. Около часа назад с той стороны, где должны быть разведчики, доносились выстрелы. Мы очень, беспокоились за судьбу товарищей.

Землянка, где мы временно поселились, найдена случайно. Мы думаем, что ее когда-то выстроили неизвестные нам партизаны, и мы теперь пользуемся этим удобным и теплым жильем.

Но вот слышны шаги. В землянку вбегает Ян Залатис. Он громко сообщает:

— Риман пойман. Привели гада!

Огонек свечи на выступе бревна весело заколебался, точно обрадовался принесенной вести о поимке Римана.

Вслед за Яном в землянке появился Ершов. Он сообщил подробности захвата палача.

— От знакомого крестьянина на хуторе мы узнали, что по дороге мимо хутора сегодня должен проезжать Риман. Мы сели в засаду. Взяли его без выстрела. Подскочили, остановили лошадей... Ян схватил его и обезоружил.

По распоряжению Капустина в землянку ввели Римана и его спутника — полиция.

— За подкреплением ехали в Кабиле. Завтра проческу собирались сделать, — сообщил Ершов.

— Автоматы и двенадцать гранат было у них, — доложил Саша Гайлис.

— Так, так... — Капустин смотрел в лицо Римана. — Судить тебя будем!

Риман стоял, опершись о стенку. Бессильной злобой сверкали его глаза. Закатанный рукав на правой руке обнажил шрам. Наша пометка от седьмого февраля.

— Я плохо по-русски... Я латыш... — проговорил он.

— Не зовись латышом, сволочь! — прервал его Гайлис. — Родину мою не позорь!

— Ты — собака. Как ты над моей женой издевался! Ты убил Сорокина, — перечислял вины Римана Ян Залатис.

— Смерть предателю! — был приговор партизанского суда.

— Пиши, — обратился Капустин к Павлу Ершову. — Пусть завтра читают «прочесчики»!

«Смерть мерзавцам, продавшимся фашистам! Смерть фашистским захватчикам!
Партизаны».

С ТОГО СВЕТА

3 марта Леонид Петрович, Галабка и Казимир Малый встретились с нами возле большой лесной вырубki. Они принесли десять пачек патронов. В этот же вечер самолет выбросил нам груз, и мы, как говорят, были снова на коне!

Утром Саша Гайлис и Казимир Малый возвратились с очередного задания. С ними шел сгорбленный, одетый в грязный и разорванный пиджак человек. На ногах у него были валенки, хотя шел дождь. Лицо его было желтое, худое, а отросшая щетина бороды и длинный заострившийся нос делали его страшным, будто человек поднялся из гроба. Только узкий карие глаза этого человека поблескивали живым огоньком и напоминали что-то близкое, но забытое. Он подошел к поднявшимся ему навстречу бойцам...

— Порфильев! — воскликнул удивленно Кондратьев. — Петре.. откуда ты? С того света?

Да, это был Порфильев, о котором более двух месяцев назад мы передали, что он погиб вместе с Мартыном, Юрием и Касьяненко, наткнувшись на засаду.

На приветствие Порфильева ответили сухо. Это заметил он — отошел к костру и молча опустил на землю, подперев голову такими же высохшими, желтыми, как и лицо, руками.

Проходил день, а к Петру хоть и подходили, но говорили мало, не так, как прежде. Даже Агеев и тот держался с ним осторожно.

— Да, Алексей, лучше во сто крат было покончить с собой, — сказал ему Порфильев. — Но я истратил всю силу, чтобы уничтожить бумажки с разведывательными данными... Был без памяти, когда меня захватили. А теперь мне вы не верите. Как же жить мне дальше? Пойду к командиру, — тяжело вздохнул Порфильев.

И он пошел.

Капустин был в палатке.

— Можно, товарищ командир? — спросил Порфильев.

— Заходи, Петро, присядь! — ответил Капустин. — Как же это у тебя вышло, как в романе? Партизан и вдруг возвратился живым из гестапо?

— Так вот случилось. И такое бывает в жизни. Я жалею, что жив остался. Недоверие мне тяжелее всех ран, всех издевательств, какие пережил я в виндавской тюрьме.

Порфильев умолк и посмотрел на Капустина. Но тот словно не замечал его взгляда.

— Что ж, поживи у нас, — сказал, наконец, Капустин. — Не гоним.

— И за то спасибо, — поблагодарил Порфильев уходя.

«Поживи у нас!» — как это странно звучало для него!

«Значит, я чужой». — Ночью Порфильев плакал. То была самая мучительная ночь в его жизни.

...Он опомнился в Виндаве в тюремном госпитале. А через два дня его поволокли на допрос.

— Парашютист? — спросил гестаповец, показывая на автомат, взятый при Порфильеве.

— Что вы говорите? — переспросил Порфильев по-латышски, кося глаза и приставляя к уху ладонь.

— Глухой, что ли? — повысил тон допрашивающий. — Парашютист, спрашиваю? — заорал он и уставился глазами на лежавшего на носилках узника.

— Нет, что вы! Купил автомат в Латгалии. Перебрался в Курляндию от фронта и жил в лесу с теми тремя, которых ваши убили. На козок охотились. А парашют?.. Бог с ним!

Он не договорил и снова потерял сознание.

— Отнесите, — процедил сквозь зубы допрашивавший его гестаповец.

Прошел день, три, неделя. Снова допросы, снова тот же ответ. Обозленные гестаповцы избивали его, мучили. Он твердо продолжал стоять на своем.

Тюремное начальство и гестапо решило, что глуховатый старик-латыш помешан, что он не опасен.

Ему было разрешено участвовать в подвозке дров в тюрьму.

Вечерело. Машина шла возле леса по дороге Кулдыга — Вентспилс. Вдруг из кузова через задний борт мелькнул человек, грохнулся на снег, перевернулся и, вскочив, бросился к лесу.

Раздались выстрелы...

Беглец пополз. Вновь поднялся и побежал.

Он ушел.

Всю ночь и день Порфильев шел на юг вдоль шоссе.

С трудом выпутался из немецких учебных полигонов. На вторые сутки, уставший и голодный, он зашел на хутор под Пелчи, попросил хлеба.

Хозяин недружелюбно отнесся к пришедшему, но все же дал хлеба. Порфильев ел и все время поглядывал на дверь, в которой, казалось, вот-вот появится сынишка хозяина, посланный куда-то отцом.

Так и случилось. Явился мальчуган, а с ним взрослый с винтовкой.

— Твои документы! Я — полиция! — отрекомендовался тот.

— Пожалуйста. Сейчас, — ответил спокойно Порфильев, шаря в кармане.

— Сейчас.

Вдруг он, быстро взметнув руки, ударил полицейского в подбородок; тот не успел опомниться, как из рук его Порфильев выдернул винтовку, прыгнул к двери и щелкнул затвором.

— Руки вверх! — крикнул он. Ошеломленные тем, что произошло, полицейский и хозяин подняли руки.

Порфильев ушел. Он долго блуждал в лесу, голодный, не имея возможности согреться. Наконец, он добрался к дому Казимира Малого. Там Порфильева приютили на чердаке до прихода сына...

— Неужели и ты, Алексей, и ты, Виктор, не верите мне? — спросил Порфильев, рассказав мне и

Агееву о том, что с ним было. — Вы представляете, как можно жить человеку, когда он ни в чем не виноват и когда ему не верят товарищи? Неужели я должен жалеть о том, что остался жив?

— Успокойся, Петро, — взволнованный рассказом Порфильева, сказал Агеев. — Все обойдется, дай только срок. То, что произошло с тобой, — это небывалый случай.

— Да. Я знаю это. Но как мне доказать?

— Ты отдохни, оправься немного, а потом делом докажешь. Из отряда тебя не гонят. А с Сашком мы поговорим.

После этого разговора Порфильев немного успокоился.

С каждым днем все больше черных пятен появлялось на полях, веселее журчали ручьи. Шла весна. К половине марта мы перебрались со своим отрядом в прежний район, где нам были знакомы все тропы, где лес казался родным и близким, как хорошо обжитый дом.

У ОЗЕРА

Мы снова в «Красной стреле».

Два парашюта и медикаменты передали лазарету. Наши раненые оправились, они встречали нас радостно, жали руки.

«Красная стрела» за последнее время провела несколько боев. Количество раненых, считая с нашими, возросло почти вдвое. Пожалуй, ничего более сложного не было в жизни партизан в «курляндском мешке», как лечить раненых.

Была в отряде одна нехорошая новость. Во взводе разведки служил немецкий летчик, дезертировавший осенью. Служил партизанам неплохо, но в самые тяжелые дни он убежал. Ходили слухи, что Христиан — так звали его — взялся вести на «Красную стрелу» экспедицию, чтобы покончить с партизанами, пока не сошел снег.

К 6 марта еще несколько групп парашютистов и партизан, гонимые «прочесчиками», присоединились к отряду. Час боя между крупной карательной экспедицией гитлеровцев и группами парашютистов и партизанами «Красной стрелы» приближался.

Седьмого марта в десять часов утра наша разведка вступила в перестрелку с отрядом фашистов.

С севера донесли, что оттуда двинутся основные силы: полк солдат. Они намерены выгнать нас из лесу на лед реки и там уничтожить пулеметным огнем. Задумано неплохо. «Прочесчиков» вел Христиан.

Командовать обороной совещание поручило Капустину. Зубровин и командир только что присоединившейся к отряду парашютной группы возглавили фланги.

Одиннадцать часов. Ударили пулеметы.

Послышался голос Капустина:

— Хлопцы! Ни шагу назад! Пусть фашисты еще раз сядут в крапиву!

— Ни шагу назад! — передавалось по цепи на русском и латышском языках.

...Четвертый час идет бой.

Враги подкатили минометы, бьют противотанковыми фаустпатронами. Вздрагивают ветви столетних сосен, вздымаются от взрывов комья земли, перемешанной со снегом.

Еще проходит час... Стоит оборона...

Снова оживление в стане враге. Снова крики «прочесчиков», получивших еще две роты подкрепления. Они спешат закончить свое грязное дело до темна.

В пятый раз они идут в атаку, намереваясь во что бы то ни стало смести нас на лед под огонь пулеметов, что были установлены на южном берегу.

На правом фланге, где находились парашютисты, смолкли два пулемета. Сюда бросилась группа гитлеровцев. Навстречу им побежал Петр Порфильев. Два фашиста уже схватились руками за наш пулемет. Но Порфильев в упор расстрелял врагов из автомата. Трудно было предполагать, что в слабом, истощенном в тюрьме теле Петра Порфильева было еще столько подвижности и энергии. Но этой энергии хватило только расправиться с фашистами, пытавшимися утащить наш пулемет. Когда к Порфильеву подбежали новые пулеметчики, посланные Зубровиным, Петр лежал среди трупов, потеряв сознание. Его бережно отнесли к штабу, где Нюра, Клава и радистка Зина Якушина хлопотали около раненых.

Спускались сумерки.

— Сейчас дрогнет враг, хлопцы! Надо не зевать. Понатужимся и выбросим его левое крыло на лед. Поняли? — разъяснил Капустин.

— Поняли, Сашок!

— Сигнал ракетой. Следите, — предупреждал Капустин, он обратился ко мне и Володе-Кондратьеву — Вы радисты, теперь нечего вам лезть на рожон! Фашисты бой уже проиграли. Пойдемте!..

Мы пересекли просеку, направляясь к штабу. На другой стороне реки, шагах в двухстах от нас; грелся, ударяя ногами сапог о сапог и засунув руки в рукава шинели, гитлеровец с опущенной на уши пилоткой.

— Стрелять по нему, — так не снимешь же черта из автомата. Да и руки озябли, — прикинув на глаз расстояние, сказал Капустин.

В это время к нам подскочил партизан.

— Товарищ Капустин! Выстояли! На нашем фланге «прочесчики» бегут.

— Тикают гитлеровцы! — закричали с правого фланга.

— Отходят, отходят! В пятый раз! Убегают! — слышится от пулеметчиков, лежавших в центре обороны.

— Пора, хлопцы! — Капустин поднял ракетницу и выстрелил.

В пятый раз откатывались фашисты на исходный рубеж, оставляя трупы солдат. Но мы не дали им остановиться. Поддерживаемые партизанами, парашютисты поднялись и с громким «ура» стали теснить левый фланг врагов на Абаву. Партизаны выгоняли гитлеровцев на тот самый лед, который должен был, по их замыслу, стать местом нашего уничтожения.

Вражеские пулеметчики, расположившиеся на южном берегу, не разобрались и ударили по своим в панике бегущим воякам. А с северного берега из-за кустов по льду били без устали три партизанских пулемета, автоматы.

Но вот на южной стороне фашисты умолкли, разобравшись в чем дело. Но было уже поздно. Новые группы партизан, выскочивших на обрывистый берег, добивали ползавших и метавшихся по льду фашистов. Семьдесят трупов покрыли залитый кровавыми лужами лед Абавы.

После боя мы еще три дня жили в отряде «Красная стрела», ожидая нового наступления.

Но фашисты не приходили. Чтобы подготовить новую карательную экспедицию, нужно было время. К тому же наш отпор разрушил предположения врагов покончить с нами одним ударом, на что фашисты возлагали свои надежды.

Убежавший из отряда «Красная стрела» немец Христиан, вызвавшийся быть проводником экспедиции, был расстрелян самими же фашистами. Они заподозрили его в том, что он подослан партизанами, чтобы спровоцировать экспедицию.

КОГДА ШУМИТ ВЕСНОЮ ЛЕС

Разве поверишь в листок отрывной,
Неужто так время летит скоротечно...

— говорил стихами Павел Ершов второго мая тысяча девятьсот сорок пятого года, всматриваясь в лес, даже ночью полный весеннего шума, пахнувший смолистой листвой, запахами первых цветов, свежестью... На поляне, где мы находимся, сложен хворост для костров. К нам должен сегодня прибыть самолет и сбросить «гостинцы» с Родины.

Вопреки тому, что читал Павел, время тянется медленно-медленно. Кажется, что сейчас должно светать, самолет сегодня не вылетел, но уходить с поляны никто не желает, мы ждем, до боли напрягаем слух. Нет, в воздухе не слышно знакомого гула. И когда казалось, что все наши ожидания на сегодня не оправдались, вдруг Агеев крикнул:

— Летит! Летит!

— Зажечь костры, — раздалась команда Зубровина.

Через минуту вспыхнувшее ярко пламя озарило поляну.

Самолет прошел мимо, развернулся и пошел на снижение. Вот он покачал приветственно крыльями, и мы увидели падающий мешок... Сбросив груз, легчик сделал круг над лесом,, снизился еще и пролетел так низко над площадкой, что, казалось, крылья его касались верхушек деревьев. На несколько мгновений замер мотор, и мы ясно услышали:

— Привет, ребята! — голос прозвучал оттуда, с неба.

Мы были ошеломлены. Десяток шапок взметнулись вверх, мы бежали вслед уходившему самолету, кричали. Не передать словами», как дорог был нам в эти минуты человек, принесший

простые и сердечные слова приветия с Большой земли. Не было для нас груза дороже этих задушевных слов.

Веселые, взволнованные мы шагали в лагерь. Там новая радость. Володя Кондратьев, дежуривший на радию, сообщил:

— Товарищи, советские войска заняли Берлин. Красное Знамя Победы развеивается над рейхстагом!

Мы стояли, не зная, как выразить свои чувства. То, чего мы ждали, — совершилось.

— Товарищи, — я слышу голос Зубровина. — Конец фашистам! Победа!

— Фашистский Берлин пал! — разнеслось над поляной.

Мы впервые за долгое время нашего пребывания в Курземе кричали полным голосом, не боясь, что нас могут окружить враги, что своим криком мы можем открыть себя — Красное Знамя Победы над рейхстагом!..

На глазах у бойцов, ежедневно и ежечасно встречавших смерть лицом к лицу, блестили слезы радости.

Третьего мая я передавал фронту радиограмму о совещании высшего и старшего командного состава курляндской группы немецко-фашистских войск.

Обсуждался вопрос о капитуляции курляндской группировки перед войсками маршала Говорова. Голосование оказалось безрезультатным. Половина генералов высказалась за капитуляцию, остальные за то, чтобы продолжать сопротивление.

Но и того, что произошло, было достаточно, чтобы составить ясное представление о моральном состоянии фашистских войск в Курляндии.

— Лопнут скоро фашисты в Курземе! — улыбаясь, говорил Костя Озол.

— Но нам еще может быть жарко, товарищи, если какое-то время не капитулируют фашисты. Пойдет борьба за каждый метр, за каждую просеку, — предупредил Зубравин.

В последующие дни вся линия фронта — от Тукумса до Лиенаи ожила. Артиллерийская канонада гремела днем и ночью. Полиция и отряды СД, недавно еще рыскавшие по лесам в поисках партизан, словно парализованные грозными отзвуками боев, теперь бездействовали. Советские штурмовики и бомбардировщики носились над дорогами, бомбили мосты и скопления маневрирующих гитлеровцев. Данные, которые мы получали со всех сторон, говорили о растерянности фашистского командования. Точно загнанные в клетку звери, фашисты метались на тесной территории «котла», не находя выхода.

Я еще ни разу за семь месяцев пребывания в Курземе не видел Зубровина таким довольным, как седьмого мая, когда они с Колтуновым и Агеевым возвращались после встречи со «старичками».

«Старички» — жители Кулдыги. Это были местные люди, латыши, передававшие нам ценную информацию о движении на дорогах, о дислокации гитлеровских войск. «Старички» не совершали подвигов с автоматами. Они жили в домах, спали на чистых постелях и не мерзли ночью под открытым небом Латвии. Но они жили, выражаясь словами моих товарищей, честно, как люди. Они принимали по радио сводки Советского Информбюро, распространяли их среди населения, искали связи с партизанами и по силе возможности боролись против фашистов. Возглавлял эту «старую гвардию» хороший знакомый Яна Залатиса, в годы Советской власти работавший главным агрономом в уезде.

Зубровин поручил «старикам» следить за штабом армии, расположенным в те дни в Кулдыге. Двое — агроном и другой, работавший дворником при доме, где помещался штаб, заметили, что во время бомбежек штабные офицеры, оставив раскрытыми двери, бежали в бомбоубежище.

Седьмого мая дворник и агроном во время вечерней бомбежки Кулдыги проникли в штаб и выгрузили из столов шесть килограммов документов.

Восьмого мая с раннего утра над Курземой стоял грохот боя. В воздухе рокотали сотни советских самолетов, по дорогам тархтели тысячи немецких повозок и машин, шедших к западу. Одна из отступающих частей гитлеровцев окопалась на опушке нашего леса.

— Теперь не немцы, так свои, пожалуй, накроют, — говорили возвращавшиеся в лагерь разведчики. — Тесно стало в Курземе!

Воздух вокруг дрожал от взрывов.

Вдруг к вечеру все стихло. Стало необычайно тихо. Лишь изредка звучали одинокие выстрелы. Слышно стало, как поют птицы.

Я так и не мог уснуть в эту ночь.

Бывают же в жизни такие ночи. Как ни стараешься забыться, но сон не приходит и сознание ясное,

ясное.

Я лежал на свежих еловых ветках и смотрел на далекие мигающие в темном небе звезды.

Неподалеку мягко шагал по мху часовой. Изредка под его ногами похрустывали сухие веточки. Он подошел ко мне и спросил время.

Было около трех часов.

— Что-то долго наши не приходят, — сказал часовой отходя. — Вот тишина. Даже собак не слышно. словно передохли все они в эту ночь.

В кустах послышался шум.

— Пароль.

— Мина.

— Москва.

— Сашка! На ноги не наступай, что ты, как калим, распух от радости, — послышался голос Колтунова.

— А ты разлежся на дороге, — звучит в ответ веселый голос Саши Гайлиса. — Гостей привели... Трое... Спрашиваем, а они комедию строят, — продолжал Саша, показывая на пленных. — «Мы, говорят, не воюем... В два часа ночи, говорят, войне капут. Мы им — «Врете», а они листовки показывают,

— На выход! Товарищи, на выход!

— Салют!

— Салют, товарищи! Партии нашей! Родине!

Я взглянул на Ершова. С поднятым автоматом Павел казался Мне изваянием человека нашего поколения, отстоявшего своей грудью от фашистских захватчиков великую Родину!

— На выход!

— К Родине! — ликовал лагерь, один из последних лагерей партизан Великой Отечественной войны.

Лучи восходящего солнца скользнули по вершинам сосен.

— Здравствуй, новый, светлый, долгожданный день!

Мы шли полем. Еще вчера, не смыкая глаз, мы следили за этим полем, наблюдали за вражескими артиллеристами, которые рыли здесь котлованы для своих пушек. А сегодня мы гордо шагали по этому — нашему полю.

— Немцы! — привычно воскликнул Толстых. Но никто не скинул автомата с плеча, хотя

перед нами были действительно немецкие солдаты. Группами они стояли около хутора Га-лабки, рядом с ними кучи сложенного оружия. А по шоссе движется огромная колонна безоружных захватчиков во главе с генералом. Одни из них идут, опустив голову, другие — безразлично осматриваясь вокруг. Их песня спета! Фашистская Германия капитулирует, Курляндская группа войск сдается в плен.

Увидав нас, солдаты-немцы, что расположились возле хутора, стали «смирно», офицер взял руку под козырек. О чем думают они сейчас, отдавая честь тем, кого так страстно желали уничтожить еще вчера? Но мы не смотрели на выражение их лиц. Мы шли, словно не замечая их. Мы любовались чистым лазурным небом, и каждый старался дышать во всю грудь. Хорошо!..

Ярко сияло майское солнце. Зеленели поля, а дальше, за полями, поблескивал от росы знакомый нам молодой березняк. Там, в этом березняке, мы оставляем невысокий холм, под которым покоится партизан Петр Трифонов, наш «Тарас».

Мы невольно остановились. Грусть охватывает сердце.

— Что, друзья, жалко свой дом покидать? — спросил Капустин.

— Не жалко, а никогда не забудем его, Сашок! — ответил Зубровин.

Это была правда. Не забудем...

Прошла неделя, месяц, первый послевоенный месяц. За это время мы побывали в гостях у многих наших друзей — латышей и русских в Курземе. Гостили в Риге, где нас приняло командование. Побывали на родине у Озолса.

Вот уж где толстый Костя попел вволюшку «Сидели мы на крыше».

Эти дни были для меня особенно дороги. Я, Зина Якушина и Ефим Колтунов были приняты кандидатами в члены Коммунистической партии.

.. Сознание того, что я достоин приема в партию, было лучшей наградой за все, что пережито за семь месяцев пребывания в Курземе.

А еще через несколько дней Зубровин, Агеев, Капустин, Кондратьев и я стояли на Красной

площади в Москве.

— Вот и расстаемся, — сказал Зубровин с грустью. — Тяжело все-таки, братцы! Сегодня ты, Виктор, уезжаешь на Украину, а завтра я — на Урал, Алексей — на Волгу, Сашок — на свой Алтай, а Володя остается в Москве-Разлетается наша семья!

— Не навсегда же, — сказал я. — Мы будем в гости приезжать друг к другу.

Товарищи проводили меня до вокзала. Когда поезд уже тронулся, я услышал:

— Виктор, не забудь на свадьбу позвать! — Это крикнул Зубровин.

— Есть, товарищ капитан! — Я помахал рукой.

...Еще через два дня поздней ночью я шагал со станции к дому.

Вот пруд, застывший, каким я знал его с детства и каким он казался в тихие летние ночи. Верб около него не было, — их срубили фашисты. Вместо верб на земле торчали низкие пни, но от них уже поднялись и стремились к небу тонкие лозинки — будущие вербы.

«Жизнь идет вперед», — подумал я, глядя на блестящие при свете месяца листочки молодых лозинок.

Вот и родной дом... Я подошел к окошку и несмело постучал.

— Кто там?..

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Сквозь сон я слышу топот босых ног. Чувствую, меня кто-то тащит за ухо.

— Папа, по-р-ра!

Маленький Петрусь показывает рукой на репродуктор.

Я беру сына на руки, и мы подходим к календарю. Петрусь с радостным возгласом срывает календарный листок. Идет 33-й год Великой Октябрьской социалистической революции... В комнате раздается бой кремлевских курантов.

— С добрым утром, товарищи!

...Мне как корреспонденту газеты много приходится ездить и ходить. Всякий раз, когда путь идет через лес, я ощущаю приятное удовольствие. Вот и сейчас, направляясь к трактористам, работающим на правом берегу реки Северный Донец, я иду напрямик — лесом.

Люблю лес. Во все времена года он прекрасен.

Я слушаю тихий шум сосен, пение ветра в обнаженных ореховых кустах. И кажется порой, что вот-вот среди деревьев поднимутся, перепоясанные ремнями, с автоматами статные, мужественные, уверенные в своих силах люди — мои боевые друзья и скажут: «Отстукивай в Москву — задание выполнено».

...Много хлопот и дел у каждого из нас. Алексей Васильевич Агеев выращивает сеянцы для колхозных лесозащитных полос в своей деревне на Волге. Володя — москвич — работает с радиоаппаратом в разведке... в геологической разведке. Аппарат его записывает колебания земных слоев, по которым разведчики обнаруживают нефть. Николай Зубровин остался в армии, собирается поступать в академию. Строит новые дома в городах Эстонии Ефим Колтунов.

Казимир, прозванный Малым, и его двоюродный брат Саша Гайлис отслужили свой срок в рядах Советской Армии и возвратились домой. Казимир работает на суконной фабрике, Саша Гайлис в Добровольном обществе содействия Армии, Авиации и Флоту. Валкж учится в мореходном училище. Ян Залатис — мастер кожевенной фабрики. Леонид Петрович Гусак возглавлял сельский актив в родной деревне; сейчас он учится в трехгодичной сельскохозяйственной школе.

Бывший заместитель командира нашей группы толстый и добродушный Костя Озолс руководит одним из передовых рыболовецких колхозов Латвии. Я вспомнил нашу встречу с Константином Яковлевичем после четырех с лишним лет разлуки. С волнением набирал я номер телефона правления колхоза имени 9 мая. Мне ответили, что председатель будет в колхозе вечером. Я поспешил в рыбацкий поселок Мангалю.

Рассекая темную поверхность воды, к берегу приближается катер. Вот он причалил, и на берег сошли рыбаки. Среди них нетрудно было заметить широкоплечего мужчину в плаще. Он шел, немного переваливаясь с боку на бок, и вдруг удивленно воскликнул, радостно протягивая ко мне руки:

— Виктор, ты? Свейки!

Мы сидели с Костей в одной из комнат его квартиры, вспоминали товарищей. Костя рассказывал о людях своего колхоза. Я смотрел на скульптуру у окна, обращенного к Даугаве. Высокий,

мужественный и суровый, как и само Балтийское море, в шлеме и сапогах с длинными голенищами, шагает вперед латышский рыбак, держа в сильных руках якорь, как ключ к своему счастью...

Но вот лес кончился, и думы развеялись. Впереди река. Вода еще не полностью вошла в берега после разлива. От моста дорога вьется мимо сожженного в дни боев, теперь построенного заново села. На огороде, около сарая, торчит, повалившись на бок, ржавый танк.

Село осталось позади. Высоко поднялось солнце. Вдали дымится труба завода. В долине, среди яркой зелени, клубятся два встречных дымка, напоминая поднятую вихрем пыль. Оттуда доносятся гудки паровозов. Это мощные «ФД» ведут грузы из Донбасса к Харькову, к Москве и из Москвы — к Донбассу, на Кубань. С юга, со стороны Славянска к Изюму, шагая через поля, рощи и овраги, возносятся, словно великаны, кружевные мачты высоковольтной передачи. А вокруг, на полях, рокочут моторы тракторов, грузно ступают лошади; десятки людей спешат за сеялками, за культиваторами. В разгаре весна пятого года первой послевоенной пятилетки.

Комсомольцы, обслуживающие сеятельный агрегат, делают последние приготовления.

Тракторист, с орденом Славы на фуфайке, завтракает. Возле него старая колхозница.

— Кроме газет, заведующий клубом послал вот эту книжечку, — говорит она, подавая трактористу брошюру. — Прочитай-ка!

Она села, подперев загорелой рукой щеку. Тракторист перестал есть, открыл книжку и, обращаясь к присутствующим, громко прочитал слова из речи товарища Молотова:

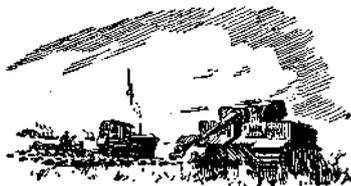
«Нам нечего скрывать, что для осуществления своих великих перспективных экономических планов СССР заинтересован в прочном мире и в широком мирном сотрудничестве с другими странами. Прочный мир, мир во всём мире, — вот знамя, под которым идут вперёд СССР и страны народной демократии».

— Сеялки готовы! — доносится издали. — Петя, веди трактор.

Тракторист, усевшись, взялся за руль. Раздается прерывистый рокот. Но вот мотор стучит ровно и мощно. Трактор, забрав сеялки, выходит на полосу.

. — Прямо на веху держи! Чтобы как по струне, — показывают комсомольцы.

— Е-е-сть, прямо на веху, — отвечает уверенно тракторист. — Пошли! Впе-ред!

СОДЕРЖАНИЕ

„Что вы знаете о Курляндии?“

В полет

В стане врага

Выход из лесу

А стоять надо

Прерванный завтрак

Побратимы

Утро в лагере

Звездным вечером

На заготовках

Мы слышим тебя, наша Родина! Глаза и
уши армии

Пополнение

Посылка с Большой земли

Наш дед

„Ночь под Рождество“

Засада у хутора

Боевые будни в „котле“

„Ты Ленинград помнишь?“

В походах

Последний подвиг

Суд над Риманом

С того света

У озера

Когда шумит весною лес

Вместо эпилога

Павел Автомонов

„В курляндском котле”

Редактор **А. П. Митичкина**

Художник **П. С. Корецкий**

Художественный редактор **Г. В. Гречиго**

Технический редактор **В. В. Сорокин**

Корректор **В. А. Догадина**

Сдано в набор 24.12-54. Подписано к печати 1.3.55 г.

Формат бумаги 70X92V₃₂

5V4 п. л.=6,14 усл. печ. л. 5,92 уч.-изд. л.

Г-12031

Военное Издательство

Министерства Обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/7803

Заказ № 3ОИ

2-я типография имени К. Е. Ворошилова

Управления Военного Издательства

Министерства Обороны Союза ССР

Цена 2 р. 40 к.

OCR Pirat